

С. Долганевъ.



Современная Абиссинія.

*17116*

---

# ОЧЕРКИ

быта, культуры, общественной и религиозной  
жизни

ЭФИОПСКАГО НАРОДА.

Цѣна 35 коп.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая скоропечатня И. А. Богельманъ. Невскій, 148.

1897



13462

1911б.

С. Долганевъ.



Современная Абиссинія.

# О Ч Е Р К И

быта, культуры, общественной и религиозной  
жизни

ЭФИОПИЙСКАГО НАРОДА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая скоропечатня И. А. Богельманъ. Невскій, 148.

1897



Библиотека ИИФ СССР

F

78219

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 февраля 1897 года.

Левъ отъ племени Іуды побѣдилъ.



Менеликъ II, Царь царей Эѳіопіи и его супруга Таиту.



## ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ.

Въ каждомъ населенномъ уголкѣ, гдѣ найдется 40 или 50 абиссинскихъ хижинъ, среди его обитателей всегда есть какой-нибудь мудрый, опытный человѣкъ, старикъ или старуха, къ которому населеніе угла обращается въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется произвести хирургическую операцію надъ кѣмъ-либо изъ людей или животныхъ. Это, слѣдовательно, своего рода хирургъ. У него есть только одинъ хирургическій инструментъ — бритва и нѣсколько стклянокъ съ успокоительными и наркотическими настойками. Вотъ всѣ средства, которыми онъ располагаетъ. За то кругъ его хирургической дѣятельности очень широкъ.

Въ числѣ его пациентовъ большинство — абиссинскіе новорожденные младенцы, потому что никто не въ состояніи такъ умѣло произвести обрѣзаніе (*circumcidere praeputium*), какъ этотъ единственный во всемъ околдкѣ операторъ. Онъ не бѣденъ и потому ничего не требуетъ за свой трудъ, кромѣ благодарности.

Какъ только младенецъ немного укрѣпится физически, что считается возможнымъ не прежде восьми дней отъ рожденія, его несутъ къ хирургу для операціи. Это дѣлаютъ всѣ абиссинцы безъ исключенія.

Обрѣзаніе — всеобщій обычай въ Абиссиніи, но онъ не сопровождается никакими обрядностями, и было бы ошибочно на основаніи этого обычая считать абиссинцевъ іудействующими христіанами. Всѣ абиссинцы смотрятъ на обрѣзаніе, только какъ на полезный обычай страны, который вполнѣ

соотвѣтствуетъ гигиеническимъ потребностямъ ея обитателей, но вовсе не думаютъ придавать ему какое нибудь значеніе для вѣры и спасенія. Всѣ абиссинскіе жители, говоря объ обрѣзаніи, указываютъ лишь на его гигиеническое значеніе и чтобы показать себя чуждыми пристрастія къ ветхозавѣтному обряду, всегда настойчиво отрицаютъ церковное значеніе обрѣзанія въ христіанствѣ, подтверждая эту мысль извѣстными словами св. ап. Павла, что во Христѣ Иисусѣ безразлично какъ обрѣзаніе, такъ и необрѣзаніе. Спасеніе только въ томъ, чтобы вѣровать въ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти (Галат. V, 6 и парал.). Фразы извѣстныхъ абиссинскихъ писателей въ этомъ смыслѣ всѣми—и учеными, и простыми людьми одинаково повторяются всякій разъ, когда зайдетъ рѣчь объ обрѣзаніи. Абиссинцы даже не наблюдаютъ строго восьмидневный срокъ, предшествующій обрѣзанію: не допуская обрѣзанія младенца ранѣе восьми дней отъ рожденія въ виду слабости ребенка, они дѣлаютъ это послѣ восьми дней, когда угодно, но только до крещенія. Впрочемъ, случается, и даже нерѣдко, что мать по забывчивости приноситъ къ церкви для крещенія необрѣзаннаго ребенка, за что получаетъ отъ священника епитимию и внушеніе съ требованіемъ тотчасъ послѣ крещенія поправить ошибку разсѣянности.

Итакъ, абиссинцы употребляютъ обрѣзаніе не изъ пристрастія къ ветхозавѣтному обряду, а просто отдавая дань климатическимъ условіямъ тѣмъ способомъ, который освященъ традиціями страны. Какъ извѣстно, всѣ почти жители жаркихъ странъ, магометане ли или язычники совершаютъ обрѣзаніе надъ младенцами обоюго пола.

Если обрѣзаніе у абиссинцевъ не болѣе, какъ хирургическая операція, то за то таинство крещенія совершается у нихъ торжественно и чинно. Изъ уваженія къ нему не позволяется крестить младенца ранѣе положеннаго срока очищенія. Для мальчика этотъ срокъ составляетъ 40 дней, а для дѣвочки 80. Исключеніе дѣлается лишь въ случаѣ опасности смерти. Для новорожденнаго отыскивается воспріемникъ — уасъ, одинъ, только соотвѣтственно полу ребенка. Уасъ обязанъ быть, какъ и у насъ, поручителемъ за ребенка въ исполненіи имъ обѣтовъ крещенія.

По истеченіи времени очищенія, мать въ сопровожденіи уаса приноситъ своего младенца къ храму. Въ воротахъ цер-



ковной ограды она останавливается и, поклонившись съ младенцемъ св. храму, идетъ внутрь ограды. Тамъ она садится на камнѣ, предназначенномъ для родилицъ, въ ожиданіи выхода изъ храма священнослужителей. Камень родилицъ помѣщается противъ западныхъ дверей храма—позади другаго небольшого возвышенія изъ камней, на которомъ утверждается ваптисгиріонъ—купель, мѣдный, большой круглый сосудъ въ видѣ таза. Возлѣ крещальнаго престола на землѣ ставятся водоносы, наполненные чистой водой. Ихъ приносить церковный прислужникъ. Наконецъ, выходятъ изъ храма клирики: впереди идутъ діаконъ въ короткихъ фелоняхъ, за ними священники въ облаченіи. Старшій изъ нихъ подходитъ къ родилицѣ и, взявъ изъ ея рукъ младенца, поклоняется съ нимъ на всѣ четыре страны свѣта. Это означаетъ поклоненіе Всемогущему Богу, Творцу вселенной. Между тѣмъ одинъ изъ діаконовъ выливаетъ воду изъ водоносовъ въ купель и зажигаетъ свѣчу, которая вставляется въ плагающій посреди купели пробочный подсвѣчникъ. Свѣча эта горитъ во все продолженіе чтенія крещальныхъ молитвъ до момента совершенія самаго таинства. Служба крещенія начинается чтеніемъ длиннаго ряда псалмовъ и молитвословій, которыя постепенно переходятъ въ заклинанія демоновъ, проклятія всѣхъ ересей и обѣты служить истинному Богу. Отвѣты, необходимые при этомъ, даетъ за ребенка его восприемникъ, который въ заключеніе читаетъ символъ христіанской вѣры. Потомъ бываетъ помазаніе всѣхъ частей тѣла ребенка елеемъ и чтеніе отдѣловъ изъ Апостола и Евангелія. Вода, налитая въ купель, освящается особыми молитвами священниковъ. Въ этихъ молитвахъ испрашивается у Бога благодать для воды, а въ заключеніе старшій священникъ, знаменуя воду св. крестомъ, возглашаетъ трижды: „да будетъ вода сія едино съ тою, которая изошла изъ ребра Твоего, Спаситель нашъ“! Съ этого момента никто не имѣетъ права прикасаться къ освященной водѣ. Діаконъ съ благоговѣніемъ сливаютъ ее обратно изъ купели въ водоносы. Все это переносится затѣмъ на другое мѣсто въ глубинѣ ограды, гдѣ обыкновенно совершается важнѣйшая часть таинства. Тамъ нѣтъ ничего особеннаго. Купель ставятъ на землѣ и священникъ трижды погружаетъ въ нее ребенка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Абиссиніи распространено впрочемъ обливаніе. Въ ленныхъ храмахъ оно даже бы-

ваетъ по необходимости вслѣдствіе отсутствія большой купели. Совершаютъ крещеніе тогда такъ. Одинъ изъ діаконовъ держитъ надъ тазомъ обѣими руками младенца, а въ это время старшій священникъ, имѣя въ лѣвой рукѣ крестъ, прикладываетъ подножіе его къ головѣ ребенка, а правой беретъ водоносъ, полный крещальной воды, и изливаетъ ее въ изобиліи на крестъ. Вода, обливая крестъ и тѣло ребенка, стекаетъ въ купель. Это дѣлается три раза съ короткими перерывами, причемъ произносятся совершительныя слова крещенія: „крещая тебя во имя Отца (1-е обливаніе), во имя Сына (2-е), во имя Духа Св. (3-е)“. Діаконъ произноситъ: „аминь“, а священникъ присовокупляетъ: „да будетъ тебѣ имя такое-то“. Имя дается или соотвѣтственно желанію родителей или, по большей части, въ память святаго празднуемаго въ день рожденія младенца. На шею новокрещеннаго тотчасъ послѣ обливанія возлагается крестикъ, который у обѣдняковъ замѣняется веревкой съ узломъ. Этимъ служба крещенія заканчивается. Второй священникъ читаетъ надъ крещальной водой разрѣшительную молитву, долженствующую обратить св. воду въ обыкновенную. Діаконъ тутъ же выливаетъ ее въ углубленіе, сдѣланное подъ стѣной ограды.

Слѣдуетъ таинство муропомазанія; для совершенія его всѣ снова приходятъ въ то мѣсто, гдѣ служилась приуготовительная часть крещенія, т. е. предъ западныя двери храма. Одинъ изъ священниковъ подаетъ сосудъ со св. муромъ, а старшій, обмакнувъ въ муро струецъ, помазываетъ имъ части тѣла ребенка, причемъ дуетъ въ лице его со словами: „прими Духа Святаго“. По совершеніи помазанія іерей изъ рукъ діакона передаетъ ребенка уасу съ обычнымъ наставленіемъ въ обязанностяхъ воспріемника. Наконецъ, всѣ входятъ внутрь храма, гдѣ ради новокрещеннаго обязательно совершается литургія, за которой его причащаютъ св. Тайнъ,—именно Пречистой Крови. Замѣчательно то, что въ Абиссиніи строго запрещается матерямъ кормить младенцевъ въ день крещенія ихъ ранѣе окончанія обѣдни. На новаго сына церкви налагается такимъ образомъ нѣкотораго рода постъ.

Въ объясненіе укоренившагося въ Абиссиніи обычая обливанія, а не погруженія, абиссинскіе ученые указываютъ на то, что будто бы такимъ способомъ крещень былъ отъ Іоанна Самъ Христосъ Спаситель.

Когда все уже исполнено по закону, по окончаніи обѣдни, священники и весь клиръ, знакомые и родственники новокрещеннаго располагаются въ церковной оградѣ, гдѣ имъ предлагается трапеза, обилующая яствами и питіями. На эту трапезу приглашается и хирургъ, обрѣзавшій ребенка.

Св. муро абиссинская церковь получаетъ отъ коптскаго александрійскаго патріарха, но не въ достаточномъ количествѣ, такъ что его не хватаетъ для всѣхъ приходоу и въ нерѣдкихъ селахъ вмѣсто св. мюра употребляется освященный елей. Въ такое затрудненіе абиссинская церковь поставлена своею зависимостью отъ коптскаго патріарха, сношенія съ которымъ за неудобствомъ путей сообщенія не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ церкви. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть. Св. муро патріархъ присылаетъ абиссинскимъ епископамъ, которые чрезъ священниковъ раздаютъ его въ приходскія церкви. Самъ священникъ долженъ ѣхать за муромъ для своего прихода къ епископу. Никто другой, даже діаконъ и монахъ не въ правѣ прикасаться къ мурному сосуду. Если это и случается по нечаянности, то на виновнаго налагается тяжелая эпитимія. За дальностью разстоянія отъ епископской резиденціи и за неудобствомъ путей, ѣхать за св. муромъ бываетъ для нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ почти невозможно, тѣмъ болѣе, что и самое путешествіе можетъ оказаться безуспѣшнымъ. Сосудъ со св. муромъ хранится всегда въ алтарѣ подъ престоломъ.

Муропомазаніе совершается еще надъ самодержавнымъ негусомъ Эіюціи. Царь пріѣзжаетъ для этого въ Аксумъ, древнюю первопрестольную столицу абиссинскаго царства. Здѣсь въ знаменитомъ Сіонскомъ соборѣ митрополитъ помазываетъ негуса эіюцскаго на царство, причемъ возглашается полный его титулъ съ перечисленіемъ всѣхъ подвластныхъ новопоставленному императору царствъ, народовъ, племенъ, княжествъ и провинцій. Впрочемъ, такое торжество бываетъ въ Аксумѣ только въ мирное время, а въ случаѣ смутъ, обычно предшествующихъ воцаренію, помазаніе совершается ради ускоренія гдѣ-попало, даже прямо въ покояхъ императора, или въ станѣ, въ царскомъ шатрѣ, куда прибываетъ митрополитъ со св. муромъ, окруженный цѣлымъ отрядомъ вооруженныхъ воиновъ, обязанныхъ охранять епископа, если на

него нападутъ враги новаго царя, желающіе воспрепятствовать помазанію его на царство.

Обычными кандидатами священства въ Абиссиніи являются всѣ грамотные благочестивые міряне или монахи. Окончившихъ литургическую школу такъ мало, что въ средѣ священно-служителей рѣдко встрѣчаются лица, получившія образованіе въ этой школѣ. Притомъ и требованія отъ кандидата священства касаются въ Абиссиніи болѣе нравственныхъ и физическихъ качествъ человѣка, нежели умственныхъ. Каковы же эти требованія? Ищущій священства долженъ быть дѣвственникъ, хорошаго поведенія, ни въ чемъ дурномъ не уличенный. Онъ не долженъ имѣть никакого физическаго недостатка, даже самаго незначительнаго, напр. поврежденія пальца на рукѣ или на ногѣ, болѣзни глазъ и проч. Физическое безобразіе считается чуть ли не главнымъ препятствіемъ для вступленія въ іерархію. Явившійся въ епископскій городъ за полученіемъ какой-нибудь степени священства долженъ предварительно представиться епископу въ его дворцѣ. Онъ долженъ выждать такое время, когда уже соберется достаточное количество кандидатовъ, и вотъ въ толпѣ ихъ, предводительствуемый какимъ-нибудь придворнымъ епископскимъ чиновникомъ, идетъ въ покои епископа. Тамъ всѣмъ прибывшимъ епископъ даетъ общее благословеніе и назначаетъ день, въ который намѣренъ ихъ посвятить. Наканунѣ этого дня, это обыкновенно въ субботу или наканунѣ какого-либо большаго праздника, бываетъ для искателей сана экзамень. На площади передъ архіерейскимъ дворцомъ собирается народъ, и особенно ученые люди. Во главѣ всѣхъ стоитъ архимандритъ или ученѣйшій лика. Онъ обязанъ руководить испытаніями. На возвышенномъ мѣстѣ среди площади ставится аналой съ двумя книгами: Апостоломъ и Евангеліемъ. Всѣ искатели сана по одиночкѣ подходятъ къ аналою, чтобы громогласно предъ всѣмъ собраніемъ обнаружить свою способность въ чтеніи древне-эіопскаго священнаго текста. Ищущій діаконства читаетъ изъ Апостола, а ищущій священства—изъ Евангелія. Мѣста для чтенія тутъ же опредѣляетъ каждому самъ предсѣдатель собранія. Нужно читать погромче, поскорѣе, умѣть разбирать слова и хорошо вибрировать голосомъ такъ, какъ это дѣлаютъ служащіе въ церкви. Кто хорошо прочитаетъ свое мѣсто, того предсѣдатель отсылаетъ на правую сторону;

но кто сдѣлалъ хоть одну ошибку, того тотчасъ бьютъ по щекамъ и отсылаютъ влѣво. По окончаніи экзамена предсѣдатель спрашиваетъ имена всѣхъ, стоящихъ на правой сторонѣ, и записываетъ на свиткѣ, который тотчасъ подаетъ епископу. На другой день за литургіей вся толпа признанныхъ достойными кандидатами священства пригодится къ епископу. Онъ поочередно посвящаетъ ихъ чрезъ возложеніе рукъ; въ пресвитерскую степень онъ рукополагаетъ ставленниковъ внутри алтаря, предъ св. престоломъ, а въ діаконскую—въ царскихъ вратахъ въ виду народа. На каждое посвященіе клиръ вслѣдъ за епископомъ отвѣчаетъ: „ἀξιός, ἀξιός, ἀξιός!“

Въ Абиссиніи совсѣмъ нѣтъ опредѣленія приходскихъ штатовъ. Въ каждой церкви или приходѣ можетъ быть какое угодно случайное число членовъ клира, которое во всякое время можетъ увеличиться или уменьшиться, если того пожелаютъ всѣ клирики прихода во главѣ съ настоятелемъ церкви. Потому въ Абиссиніи и нѣтъ того, что у насъ называется вакансіей, и не требуется, чтобы непременно всякій, посвящаемый въ санъ, былъ командированъ въ тотъ или другой приходъ. При посвященіи о приходѣ никто не говоритъ и не думаетъ. Если ищущій священства удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, его епископъ посвящаетъ, но опредѣленнаго назначенія ему не даетъ. Послѣ посвященія, новопоставленный можетъ отправляться куда ему угодно. Естественнѣе всего ему направить стопы свои въ тотъ приходъ, откуда онъ родомъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ его всѣ знаютъ, и клиръ прихода, можетъ быть, съ объятіями встрѣтитъ своего новаго собрата. Впрочемъ, ставленникъ мало думаетъ о томъ, гдѣ ему служить и найти мѣсто. Онъ, кажется, скорѣе отправится въ какой-нибудь замѣчательный дебрь или монастырь помолиться. Не думая вовсе о мѣстѣ, онъ идетъ намѣченной дорогой, проходя города и веси. Встрѣтится ему знакомое село, гдѣ онъ бывалъ,—тутъ онъ зайдетъ къ священникамъ, и часто случается, что тутъ же и остается навсегда членомъ клира. Если его никто изъ священниковъ прихода не знаетъ, то ему нѣтъ надежды отслужить здѣсь хоть одну обѣдню. Ставленной грамоты онъ не имѣетъ, а объ его санѣ узнаютъ только по одеждѣ, но и то, если онъ священникъ. а если діаконъ, то его не узнаютъ, потому что діаконы одѣваются въ Абиссиніи какъ міряне или же какъ простые монахи, если они таковы по своему образу жизни

Наряду съ этой картиной выступает другая. Самъ гавасъ какого-нибудь прихода съ согласія всѣхъ членовъ своего клира желаетъ имѣть въ своемъ приходѣ еще одного священника или діакона. Естественно ему обратиться къ членамъ своей паствы, не найдется ли въ средѣ ея мірянинъ, хорошо грамотный и способный къ служенію. Если таковой найдется и при этомъ изъявитъ искреннее желаніе приобщиться къ братіи клира, то отправляется вмѣстѣ съ настоятелемъ или одинъ къ епископу для полученія сана. А если по близости найдется уже рукоположенный священнослужитель, не имѣющій прихода или желающій перемѣнить приходъ, то еще легче и скорѣе его пригласить, и настоятель отъ лица всего прихода призываетъ его въ свой приходъ. Чаше же всего бываетъ первый случай. Новый членъ клира получаетъ уже съ доходовъ этого клира и съ земли его опредѣленную долю наравнѣ съ другими своими собратьями. Тутъ онъ строитъ себѣ домъ вблизи храма и устраивается на жительство.

Въ числѣ нравственныхъ качествъ, требуемыхъ отъ кандидата священства, было указано дѣвство. Требованіе это такъ сильно въ Абиссиніи, что не допускаетъ никакихъ исключеній. Ни одинъ женатый не можетъ быть посвященъ въ первую степень священства. Только посвященный уже въ діакона можетъ жениться, если пожелаетъ, и получить послѣ брака посвященіе въ новую степень пресвитерскую. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ средѣ абиссинскихъ священнослужителей очень мало женатыхъ лицъ: тамъ большинство или дѣвственники или постриженные монахи. Діакону запрещается два раза жениться, а священнику вовсе нельзя вступать въ бракъ, онъ могъ сдѣлать это лишь до рукоположенія въ пресвитера. Разводъ священнослужителямъ тоже запрещается. Разведшійся долженъ прекратить свое служеніе, а если примирится съ женою, можетъ отправлять свои священническія обязанности опять, если пожелаетъ и если еще на это послѣдуетъ согласіе клира. Что касается возраста, опредѣленнаго въ Абиссиніи для ставленниковъ, то тамъ въ діакона посвящаютъ даже моложе 15 лѣтъ, но въ священники не моложе 25 лѣтъ. Таковы общія правила относительно клира; они считаются главными и потому соблюдаются очень строго.

## II.

Въ Абиссиніи браки заключаются не по любви. Романтизмъ даже не коснулся этой дѣвственной страны. Основой заключенія брака служитъ здѣсь фамиліное и имущественное положеніе жениха и невѣсты. Требуется, чтобы оба лица, вступающія въ бракъ, принадлежали къ равнымъ по знатности домамъ и чтобы имущество невѣсты своею величиною ровно вдвое превосходило имущество жениха. Такъ, если у жениха 300 воловъ, 100 овецъ, 200 муловъ, то въ невѣсты къ нему можетъ разсчитывать только та дѣвица, у которой окажется 600 воловъ, 200 овецъ, 400 муловъ и т. д. Если фамилія невѣсты не выше и не ниже фамиліи жениха, то бракъ возможенъ при выполненіи второго главнаго условія: именно, всѣ родственники невѣсты, въ случаѣ несостоятельности ея родителей, должны установить требуемое имущественное соотвѣтствіе между ихъ родственницею и ея женихомъ. Остальныя качества — физическія и нравственныя, при заключеніи браковъ между абиссинцами, занимають второстепенное мѣсто и, собственно говоря, даже совершенно игнорируются, какъ мы увидимъ ниже.

Всякій абиссинецъ, желающій найти себѣ подругу жизни, призываетъ къ себѣ свата (амача), имѣющагося въ каждомъ городкѣ и селѣ. Сватъ-амачъ — это извѣстное всему окружному населенію лицо, къ которому обращаются всѣ безъ исключенія женихи одной мѣстности съ порученіемъ найти имъ невѣсть. Замѣтимъ еще, что въ каждомъ болѣе или менѣе обширномъ населенномъ уголкѣ найдется не одинъ амачъ, а два, три и болѣе. Встрѣчаются престарѣлые амачи, практикующіе по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Такой амачъ, смотря на окружающіе его районъ поселки и выросшія хижины, можетъ съ гордостью сказать: „я ихъ собралъ!“ Дѣйствительно, счастье брака зависитъ всецѣло отъ амача и, если онъ приобрѣлъ извѣстность своею практикою и благополучіемъ созданныхъ имъ браковъ, то къ нему скорѣе обращаются, чѣмъ къ его конкурентамъ. Да онъ, кажется, уже довольно умножилъ свое состояніе изъ лептъ своихъ кліентовъ. Скоро онъ совсѣмъ откажется отъ своего труда, предоставивъ его молодымъ сво-

имъ преемникамъ. Если онъ возьмется устроить кому-либо бракъ, то, надо думать, потребуеть за это не одинъ десятокъ быковъ.

За то трудъ амача тяжелъ и отвѣтствененъ. Призванный кліентомъ, онъ выслушиваетъ отъ него краткія наставленія въ томъ, какую онъ долженъ искать ему невѣсту. Женихъ рисуетъ, такъ сказать, предъ амачемъ идеаль своей невѣсты, тотъ образъ, которымъ амачъ обязанъ руководиться при отысканіи невѣсты, если желаетъ угодить своему кліенту. О фамильномъ и имущественномъ положеніи жениха амачу нѣтъ надобности разспрашивать. Онъ самъ прекрасно знаетъ всѣхъ обитателей своего района. Женихъ долженъ сообщить ему только о физическихъ и нравственныхъ качествахъ своего идеала, остальное дополняютъ уже соображенія и ариметика амача. Съ посохомъ въ рукѣ онъ отправляется въ далекую страну, какъ говорится, за тридевять земель. Обычаемъ страны требуется, чтобы невѣста находилась, какъ можно дальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣетъ свое постоянное пребываніе женихъ; она должна быть взята издалека, изъ чужой страны. Пройдя нѣсколько княжествъ и провинцій, амачъ, сообразивъ, что зашелъ далеко, начинаетъ разспрашивать встрѣчныхъ прохожихъ на перекресткахъ дорогъ и на стогнахъ улицъ: не знаютъ ли они здѣсь такой-то и такой-то дѣвушки, изъ такой-то фамиліи, съ такимъ-то имуществомъ и проч.? Прохожіе догадываются, въ чемъ дѣло, и направляютъ амача, куда слѣдуетъ. Отыскавъ домъ, гдѣ есть дѣвушка, соотвѣтствующая намѣченнымъ требованіямъ, амачъ поселяется въ немъ на такое время, какое понадобится для нужныхъ развѣдокъ, а предварительно узнаеть о согласіи родителей, чтобы трудъ не былъ напрасенъ. Амачъ долженъ на мѣстѣ и лично самъ раз- узнать все относительно невѣсты, и собственно не только относительно одной невѣсты и ея родителей, а о всѣхъ ея родственникахъ: насколько они богаты и знатны. Если вдругъ окажется хотя малѣйшій недостатокъ, нарушающій требуемое фамильное и имущественное соотвѣтствіе обоихъ лицъ, бракъ считается невозможнымъ. Амачъ долженъ искать другую дѣвушку. Конечно, и родители дѣвушки, съ своей стороны, разспрашиваютъ о женихѣ, прежде чѣмъ дать согласіе на бракъ. Но вотъ амачъ нашелъ ту, которую искалъ, и родители ея согласны на предлагаемый бракъ. Тогда амачъ возвращается



къ жениху и тутъ описываетъ все, что видѣлъ и слышалъ. Понятно въ этомъ случаѣ положеніе амача: можетъ ли онъ сказать всю правду? Правдивость можетъ повести къ тому, что женихъ откажется отъ невѣсты, и тогда, значитъ, весь трудъ амача пропадетъ совершенно даромъ! Не удивительно, если амачи прибѣгаютъ къ работѣ фантазіи: она спасаетъ ихъ отъ капризовъ кліентовъ. Предположимъ, что найденная дѣвушка по фамильному и имущественному положенію соотвѣтствуетъ вполне жениху и другой такой врядъ ли отыскать, но она имѣетъ одинъ только здоровый глазъ и прихрамываетъ на одну ногу. Амачъ скроетъ это; нисколько не стѣсняясь, онъ нарисуетъ предъ своимъ кліентомъ образъ красавицы и скажетъ, что такова его невѣста. Слепоту и хромоту своей невѣсты женихъ узнаетъ только послѣ брака, но тогда уже поздно отказываться отъ нея. За то ужъ нельзя соврать относительно фамильнаго и имущественнаго положенія невѣсты. Хотя бы бракъ былъ заключенъ, но если окажется нарушеніе основныхъ требованій, онъ расторгается и амачъ остается ни съ чѣмъ. Онъ только тогда выигрываетъ, когда бракъ состоится нерушимо.

Какъ бы то ни было, амачъ играетъ важную роль въ Абиссиніи при заключеніи браковъ и нерѣдко злоупотребляетъ своею ролью, повидимому, даже безнаказанно. Но наказаніе для него есть: это общественное мнѣніе. Плохо зарекомендовавшій себя амачъ, понятно, не будетъ пользоваться симпатіями общества и, кажется, ему не долго придется практиковать, такъ какъ едва ли кто согласится получить послѣ брака вмѣсто красавицы урода.

Когда съ обѣихъ сторонъ — жениха и родителей невѣсты послѣдуетъ заочное согласіе на бракъ, дѣло амача еще не окончилось. Теперь онъ долженъ быть посредникомъ между родителями жениха и невѣсты при заключеніи договора относительно мѣста и времени перваго свиданія родственниковъ обѣихъ сторонъ. Мѣстомъ свиданія чуждыхъ другъ другу родовъ, намѣреющихся стать теперь своими, выбирается пунктъ, лежащій на половинѣ пути между мѣстожительствами брачующихся сторонъ. Амачъ сначала узнаетъ отъ родственниковъ жениха о времени, когда они намѣрены устроить свиданіе съ родственниками невѣсты и объ этомъ немедленно сообщаетъ въ домъ невѣсты. Тутъ со стороны семейства невѣсты по той или иной

причинѣ можетъ послѣдовать несогласіе на предполагаемое со стороны жениха время свиданія, такъ что амачу, можетъ быть, не разъ и не два придется путешествовать отъ одного дома къ другому, пока не будетъ, наконецъ, установлено обоюдное согласіе относительно времени свиданія. Что касается выбора мѣста свиданія, то это уже дѣло самого амача. Онъ самъ, хорошо ознакомившійся съ промежуточной мѣстностью между сводимыми имъ домами во время своихъ частыхъ путешествій, выбираетъ удобную и живописную поляну или дубраву (амачъ тоже не лишенъ эстетики), лежащую въ срединѣ пути отъ того или другаго дома. О мѣстѣ онъ тоже долженъ извѣстить тѣхъ, кому слѣдуетъ быть на предстоящемъ свиданіи сводимыхъ родовъ. Въ назначенный день въ условленное мѣсто сходятся родичи изъ фамилій жениха и невесты. Тутъ въ первый разъ встрѣчаются дотолѣ чуждые другъ другу роды. Во главѣ ихъ стоятъ родители. Сошедшись, оба рода заключаютъ завѣтъ, клятву — „калчадалъ“ въ томъ, что они отнынѣ станутъ своими, будутъ свято хранить узы родства, будутъ пещись другъ о другѣ и проч. Родители жениха сверхъ того клянутся предъ родителями невесты въ томъ, что они будутъ любить и жаловать невесту, беречь ее, какъ свою дочь, а родители невесты, съ своей стороны обѣщаются любить и жаловать жениха, какъ своего роднаго сына. Затѣмъ тутъ же всѣ родичи совѣщаются вмѣстѣ относительно времени вѣнчанія и, согласившись въ этомъ, расходятся въ свои стороны. Время вѣнчанія обыкновенно откладывается на полгода или даже на годъ для того, чтобы можно было успѣть сдѣлать нужныя приготовленія къ свадьбѣ.

Приготовленія идутъ одновременно въ домѣ жениха и въ домѣ невесты, но такъ, что одинъ домъ не знаетъ, что происходитъ въ другомъ. Со стороны жениха отправляютъ во всѣ ближайшія села и поселки, города и мѣстечки рабовъ и слугъ къ друзьямъ и родственникамъ съ приглашеніемъ на брачный пирь. То же дѣлается и со стороны дома невесты по отношенію къ ея родственникамъ и друзьямъ ея дома. Кромѣ того, женихъ избираетъ себѣ союзниковъ — „аркъ“. Въ этотъ союзъ онъ приглашаетъ только самыхъ близкихъ и любимыхъ своихъ друзей, въ количествѣ 7—12 человекъ. Назначеніе членовъ союза — быть неотлучно при особѣ жениха, веселить и развлекать его. Для брачнаго торжества нарочито устраивается

особое помѣщеніе, называемое „дасъ“ - куща. Это зданіе необыкновенно большихъ размѣровъ, четверугольной формы, предназначенное для 500, а то и для 1000 или даже для нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Строится оно изъ дерева и недалеко отъ дома. Точно такая же куща воздвигается возлѣ дома невѣсты. Такимъ образомъ. Вкапываются въ землю жерди на близкомъ разстояніи другъ отъ друга: это скелеть стѣнъ. Промежутки между столбами заполняются снопами зелени, прикрѣпляющимися къ столбикамъ веревками, такъ что сквозь стѣну нельзя видѣть внутренности кущи. Крыша зданія устраивается изъ плотно прилегающихъ другъ къ другу бревенъ, поверхъ которыхъ нагромождаются хворостъ, древесныя листья и трава. Это для того, чтобы лучи солнца не проникали во внутрь зданія. Потолокъ поддерживается кромѣ стѣнъ нѣсколькими столбами, вкопанными въ землю внутри кущи. Для входа предназначаются два отверстія, примыкающія къ передней стѣнѣ съ противоположныхъ концовъ. Полъ кущи усыпается мелкой листвою съ примѣсью душистыхъ травъ. У стѣны, возлѣ которой устроены входы, закапываются въ землю въ рядъ чаны съ виномъ и любимыми напитками абиссинцевъ. Обстановку кущи составляютъ длинныя, приземистыя столики въ  $1/2$  аршина вышины, идущіе рядами вдоль боковыхъ стѣнъ, образуя посрединѣ зданія широкую дорогу отъ входовъ къ задней глухой стѣнѣ. У этой стѣны на землѣ стелется яркій, искусно вытканый коврикъ: это сѣдалище для невѣсты. Правая сторона кущи предназначается для сторонниковъ жениха, а лѣвая—для сторонниковъ невѣсты; въ переднемъ же углу дѣлается небольшое возвышеніе изъ земли съ 2—3-мя столами для старѣйшихъ и наиболее почетныхъ лицъ въ томъ числѣ и для священниковъ. Кромѣ того, съ боку къ кущѣ пристраивается особое небольшое помѣщеніе для жениха и его „союза“, сообщающееся съ кущей посредствомъ двери.

Когда приближается время свадьбы, — въ дома жениха и невѣсты прибываютъ приглашенныя на бракъ лица, причемъ приходятъ не съ пустыми руками, а съ богатыми подарками. Каждый приноситъ то, чѣмъ богатъ. Доставляются обыкновенно съѣстные припасы и даже скоть. Напримѣръ: одинъ пригоняетъ десятокъ быковъ, другой — овецъ, третій приноситъ кадку масла, сносятъ корзинами хлѣбы, плоды, бочками вино, молоко, постное масло, пиво, медъ, воскъ и проч. Въ

домъ невѣсты сверхъ того ея родственники и знакомые приносятъ богатыя ткани, хорошо выдѣланные изъ рога бокалы, львиныя и леопардовыя шкуры, груды золота, серебра и проч. Эти подарки потомъ въ день брачнаго торжества переходятъ въ руки жениха, какъ мы увидимъ ниже.

На свадебное торжество всѣ пріѣзжаютъ въ пышныхъ одеждахъ, утомляющихъ зрѣніе своей бѣлизной. Мущины стараются блеснуть своими доспѣхами. Особенная честь охотнику, потому что только онъ имѣетъ право надѣть ружье, свидѣтельствующее всѣмъ объ его охотничьихъ дарованіяхъ.

Наконецъ, женихъ въ сопровожденіи своего „союза“ и ближайшихъ родичей отправляется въ страну невѣсты, рассчитывая такъ, чтобы прибыть въ ея домъ вечеромъ наканунѣ назначеннаго для свадьбы дня, а родные и друзья невѣсты въ тотъ вечеръ, когда долженъ прибыть женихъ, отправляются за городъ или село встрѣчать его. Тамъ они располагаются на травѣ въ ожиданіи его. Какъ только покажется изъ-за утесовъ и горъ караванъ навьюченныхъ людьми верблюдовъ и муловъ, сидящіе на травѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и съ музыкою и плясками бѣгутъ навстрѣчу дорогимъ гостямъ. И вотъ подъ звуки барабановъ, кимваловъ, бубновъ, скрипокъ, трубъ, балалаекъ, флейтъ, подъ клики мущинъ и женщинъ происходитъ торжественное свиданіе жениха съ родичами невѣсты: тутъ въ первый разъ они видятъ своего нареченнаго зятя. Невѣста же съ матерью и сестрами не бываетъ на этомъ свиданіи: она остается съ ними въ своемъ домѣ. Съ мѣста свиданія изъ-за города соединенная толпа изъ ожидавшихъ и прибывшихъ съ музыкой, криками и пляскою направляется въ городъ, по улицамъ города въ дасъ-кущу. Тутъ уже устраиваются настоящіе танцы; веселіе и пиръ продолжаются чуть ли не до самаго утра,—утра того самаго дня, въ который предстоитъ заключеніе брака. Въ этотъ день, приблизительно въ полдень, во вновь убранной и очищенной отъ столовъ кущѣ собирается все множество прибывшаго на бракъ народа. Сторонники жениха размѣщаются на правой сторонѣ кущи, сторонники невѣсты—на лѣвой; старѣйшины, духовенство и родители того и другой на эстрадѣ, а женихъ—въ толпѣ своихъ сторонниковъ. Всѣ ожидаютъ торжественнаго входа невѣсты. Но вотъ показалась „она“. Ее несетъ рабъ на своихъ плечахъ. Все лицо невѣсты плотно обтянуто бѣлой фатой, въ которой лишь

сдѣланы отверстія для глазъ и кончика носа. Она медленно подвигается по кущѣ, подъ звуки рыданій и всхлипываній своихъ сестеръ и подругъ. Рабъ бережно сажаетъ ее на предназначенномъ коврикѣ. Вслѣдъ затѣмъ ударяють въ бубны, звуки которыхъ подхватываетъ весь хоръ музыкантовъ. Въ этотъ моментъ со стороны жениха подымаются два человѣка, два лучшихъ его друга, и выступаютъ на средину,—на пустое пространство кущи. Они одѣты въ роскошныя брачныя одежды, одинъ имѣетъ въ рукѣ копье, а другой—ружье, по которому видно, что онъ охотникъ. Они становятся на противоположныхъ концахъ кущи, изображая собою противниковъ. Одинъ дѣлаетъ видъ, что старается метнуть въ своего врага копье, а этотъ прицѣливается, чтобы выстрѣлить. Это они дѣлають всякій разъ, когда, перебѣжавъ одновременно въ противоположные концы кущи, останавливаются другъ противъ друга. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ охотникъ стрѣляетъ въ своего противника—съ копьемъ, который, прикинувшись убитымъ, падаетъ ницъ. Этимъ роль первыхъ плясуновъ оканчивается. Они подходятъ къ родителямъ невесты, кланяются имъ въ ноги и за это получаютъ подарки—въ пользу жениха, которые тутъ же забираетъ прямо изъ рукъ дарящихъ экономъ жениха. Затѣмъ выступаетъ въ качествѣ плясуна отецъ жениха или же самый близкій родственникъ его, потомъ пляшутъ братья его и т. д. Всѣ они получаютъ отъ родителей невесты богатые подарки, которые вручаются опять эконому жениха. Наконецъ, съ новымъ взрывомъ музыкальных звуковъ, изъ толпы, заполняющей правую сторону кущи, пробивается одинъ человѣкъ. Онъ бодро выступаетъ на средину, предъ взоры всѣхъ, прекрасный въ своей очаровательной брачной одеждѣ, сверкая блестящимъ щитомъ. Голова его повязана красной шелковой лентой, чудный, бѣлоснѣжный камисъ (хитонъ), шитый бисеромъ и изумрудами, стянуть краснымъ поясомъ съ золотыми уборами и побрякушками. Взоры всѣхъ напряженно сосредоточились на этомъ человѣкѣ, потому что это женихъ. Онъ впервые выступаетъ такъ открыто и невеста въ первый разъ можетъ теперь полюбоваться на него. Онъ будетъ плясать, какъ и другіе, поэтому родители и всѣ родственники невесты припрятали для него уже самые цѣнные подарки. Наступаетъ моментъ блеснуть имъ своими богатствами. Всѣ ждали этой минуты и заготовили для нея все самое лучшее.

Въ качествѣ противника жениху выступаетъ первѣйшій его другъ. Оба они, продѣлавъ извѣстные уже намъ фигуры, подходятъ поочередно къ родителямъ и ближайшимъ родственникамъ невѣсты и кланяются имъ въ ноги. Экономъ тутъ-какъ-тутъ съ своей знаменитой торбой, въ которую посыплются сейчасъ всѣ цвѣты, весь блескъ богатствъ славной невѣстиной фамиліи. Женихъ, поклонившись тому или другому родичу, не идетъ дальше, пока бездонная торба не получитъ своей доли. Пока женихъ кланяется, жадная торба глотаетъ куски шелку, бархату, драгоценные камни, груды золота, лвиныя шкуры, слоновые клыки и проч. Всѣ эти богатства бросаются такъ, чтобы всѣ видѣли. Самъ женихъ постоянно останавливается, чтобы видѣть, кто что даетъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему нужно знать это.

Послѣ перваго сбора слѣдуетъ опять пляска. Пляшетъ опять женихъ и опять кланяется, а исхудалая торба, успѣвшая уже изрыгнуть изъ себя драгоценное бремя въ маленькой кущѣ жениха, снова, какъ голодный звѣрь, набрасывается на новыя и еще лучшія блюда, раскрывая предъ каждымъ родичемъ невѣсты свою ненасытную пасть. Наконецъ, третья пляска и третій сборъ. Послѣдняя пляска и послѣдній сборъ подарковъ, изъ которыхъ свивается корона, вѣнчающая знатность и богатство всего невѣстинаго рода! Это финаль и знамя побѣды цѣлой фамиліи. Послѣ этого совершается уже самый бракъ. Женихъ подходитъ къ невѣстѣ и беретъ ея правую руку. Большой палецъ и мизинецъ его правой руки скрѣпляется съ большимъ пальцемъ и мизинцемъ ея правой руки. Въ этотъ моментъ заключается брачный завѣтъ, причемъ молодую чету окружаютъ родители и родичи, прикрывая брачующихся своими одеждами. Они прислушиваются къ словамъ клятвъ, чтобы быть свидѣтелями. Молодые обыкновенно клянутся въ томъ, что они отнынѣ будутъ составлять одно тѣло, пещись другъ о другѣ, переносить сообща скорби и лишенія, не обижать другъ друга и проч. Съ этого времени женихъ и невѣста становятся мужемъ и женою!..

Въ Абиссиніи различаются два брака: церковный и гражданскій. Послѣдній встрѣчается чаще; это потому, что первый считается нерасторжимымъ. Развестись супругамъ, повѣнчаннымъ церковью, нельзя. Кто же, не смотря на всю строгость этого закона, разоидется съ своею женою послѣ цер-

ковнаго брака, тотъ получаетъ въ народѣ прозваніе „нарушителя закона“ и подвергается всеобщему презрѣнію. Поэтому большая часть абиссинцевъ довольствуется гражданскимъ бракомъ. Но и тутъ наблюдаются извѣстныя границы. Гражданскій бракъ, т. е. свободный, не препятствующій разводу, продолжается лишь до тѣхъ поръ, когда супруги послѣ обычной исповѣди у духовника и установленной эпитиміи причастятся въ храмѣ св. таинъ. Съ этого времени бракъ ихъ становится законнымъ, освященнымъ церковью и, слѣдовательно, нерасторжимымъ. Оттого нѣкоторые, живущіе въ гражданскомъ бракѣ, абиссинцы долго воздерживаются отъ исполненія христіанскаго долга говѣнія, которое нерасторжимыми цѣпями скрѣпляетъ ихъ дотолѣ слабыя узы. Духовникъ на такихъ лицъ налагаетъ строгую эпитимію. Въ день причащенія св. таинъ супруги устраиваютъ скромный обѣдъ, на который приглашаютъ только своихъ ближайшихъ родственниковъ и духовенство. Это нѣчто вродѣ скромнаго брачнаго пира по случаю новыхъ брачныхъ узъ. Только духовныя лица не вправѣ жить въ гражданскомъ бракѣ, который хотя является въ Абиссиніи *de jure* незаконнымъ, но *de facto* общепризнаннымъ и распространеннымъ.

Церковный бракъ совершается такъ. Священникъ, заранѣе предупрежденный о предстоящемъ бракѣ, наблюдаетъ, чтобы онъ не былъ заключенъ въ близкихъ степеняхъ родства (отъ 1-й до 6-й степени включительно). Обойти законъ тутъ не удается, потому что всюду есть такъ называемые „ревнители закона“, отъ которыхъ не укроется ни одинъ нарушитель церковныхъ постановленій. Эти ревнители не оффиціальныя лица, но ихъ голосъ имѣетъ непреодолимую силу, какъ голосъ самого закона. Если священникъ повѣнчаетъ лицъ въ близкихъ степеняхъ родства, ревнитель закона потребуетъ расторженія такого брака и его приказанію должны повиноваться.

Въ день, назначенный для церковнаго брака, женихъ съ своими родственниками приходитъ въ храмъ и становится на мужской его половинѣ. Потомъ приходитъ и невѣста, закрытая фатой. Когда священнослужители выйдутъ изъ алтаря на средину храма, родичи жениха подводятъ его къ ступенямъ амвона, между тѣмъ съ другой стороны подводятъ къ нему и невѣсту. Брачующіеся становятся рядомъ. Старшій священникъ,

послѣ извѣстныхъ молитвъ и чтеній Апостола и Евангелія, накрываетъ жениха и невесту церковнымъ покровомъ, соединяетъ ихъ руки и читаетъ слова брачнаго завѣта. Эти слова вслѣдъ за священникомъ повторяютъ и брачующіеся въ присутствіи родителей. Потомъ служится непремѣнно литургія, за которой новобрачные причащаются св. Таинъ. По выходѣ изъ храма родственники условливаются относительно времени брачнаго торжества, и въ назначенный день всѣ собираются въ свадебной кущѣ и проводятъ тамъ время извѣстнымъ намъ образомъ.

Свадебное торжество въ домѣ невесты продолжается дня три, послѣ чего оно передвигается въ страну жениха. Всѣ отправляются туда. Невѣста тоже ѣдетъ, забравъ съ собою любимыхъ служанокъ и въ сопровожденіи наиболѣе преданныхъ подругъ. Въ кущѣ жениха пиръ и веселіе продолжаютъ тоже три дня и потомъ гости разъѣзжаются. Колоссальная куща-дасть уничтожается. Съ женихомъ остается только „аркъ“, союзъ преданнѣйшихъ друзей. Новобрачная чета вмѣстѣ съ „аркомъ“ поселяется въ новомъ домѣ, нарочито для нея выстроенномъ рядомъ съ домомъ родителей жениха. Члены „арка“ остаются при женихѣ послѣ свадьбы на цѣлый мѣсяць, а то и болѣе. Въ теченіе этого времени они успѣваютъ посѣтить всѣ близлежащія и не близлежащія города и села, деревни и мѣстечки, собирая всюду подарки для новаго дома; причемъ они пользуются неограниченной свободой. Имъ позволено все. Войдя въ домъ, они шутятъ съ хозяиномъ и хозяйкой и выманиваютъ вещи. Имъ даютъ пшеницу, быковъ, овецъ, масло, шерсть, шкуры и даже золотыя и серебряныя вещи, а то прямо куски золота и серебра. Получивъ въ одномъ домѣ, что дадутъ, союзники идутъ въ другой по порядку. А за ними вслѣдъ ѣдутъ слуги съ нагруженными ослами. Всѣ знаютъ, что это пришелъ „аркъ“; многіе стараются при этомъ спрятать цѣнныя вещи, чтобы они не лежали на виду, такъ какъ члены „арка“ способны къ опустошенію: они, не стѣсняясь, захватываютъ все, что попадаетъ имъ подъ руки или на глаза, шарятъ и рыскаютъ въ амбарахъ и подвалахъ, какъ у себя дома, и это не вмѣняется имъ въ вину: они дѣлаютъ свое дѣло и стараются не для себя. Вечеромъ они возвращаются домой, разгружаютъ ословъ, а на утро снова отправляются за добычей: такъ дѣлаютъ во все время пребыванія въ союзѣ—„аркъ“.



Наконецъ, въ 30-й или 40-й день со дня брака празднуется отданіе свадьбы. Въ маленькой уже кущѣ собираются только ближайшіе родственники новобрачныхъ. Торжество продолжается одинъ день, послѣ чего „аркъ“ — союзъ расторгается; невеста вступаетъ въ права хозяйки дома. Черезъ полгода она имѣетъ право ѣхать къ своимъ роднымъ на свиданіе. Случается, что брачная пара и совсѣмъ переселяется къ родителямъ невесты, если по обоюдному согласію будетъ признано болѣе удобнымъ устроиться на жительство именно тамъ. Только для новой четы обязательно строится новый домъ и все имущество жениха переносится на новое мѣстожительство.

Въ абиссинской семьѣ царитъ патриархальность. Глава семьи — отецъ; онъ судья, законодатель и рѣшитель судебъ для всѣхъ членовъ семьи. Жена боится своего мужа и стоитъ въ полной зависимости отъ него. Мужу ввѣряется надзоръ за ея поведеніемъ. Онъ имѣетъ право бить свою жену за малѣйшее ослупаніе. Обыкновенно провинившуюся жену мужъ раздѣваетъ до гола, привязываетъ къ столбу и, заперевъ двери дома, вдоволь прохаживаетъ по ея тѣлу плетью. Та же участь и не послушныхъ дѣтей. Они не имѣютъ никакого права голоса. Даже въ аристократическихъ семействахъ дѣти, пока растутъ, стоятъ наравнѣ съ прислугой. О нихъ не спрашиваютъ и не говорятъ. Ни сынъ, ни дочь не имѣютъ права располагать своею судьбою. Выраженіе: „я думаю жениться“ — немислимо въ устахъ абиссинскаго юноши. Одни родители, иногда вовсе безъ вѣдома ихъ сына, устраиваютъ его бракъ; онъ узнаетъ объ этомъ только тогда, когда нужно ѣхать вѣнчаться. Дѣвочекъ держать еще строже. За исключеніемъ крестьянской, въ другихъ семьяхъ дѣвочкамъ не позволяется однѣмъ выходить изъ дому. Для мальчиковъ больше свободы. Они, собираясь вмѣстѣ изъ сосѣднихъ домовъ, затѣваютъ игры въ мячъ, въ прятки, въ солдаты и проч. Въ зажиточныхъ семьяхъ къ дѣтямъ приставляется гувернеръ. Это монахъ или священникъ, который учитъ дѣтей грамотѣ, чтенію и даже заучиванію наизусть псалтири. Какъ говорилось въ своемъ мѣстѣ, знаніе наизусть псалтири считается въ Абиссиніи признакомъ аристократизма. Почетное названіе, прилагаемое къ интеллигентному человѣку: „дека-мезмуръ“ — значитъ буквально „псалтирный сынъ“. Интересное явленіе, что всѣ почти благочестивыя семейства Абиссиніи имѣютъ въ своемъ домѣ

духовное лицо: монаха или священника. Это лицо считается ангеломъ хранителемъ дома. Онъ молитвенникъ за всю семью, совѣтникъ, наставникъ. Голосъ его имѣетъ большое вліяніе въ семьѣ, даже на главу ея—отца. Когда кто заболѣетъ въ домѣ, духовный другъ дома совершаетъ заздравныя молитвы; онъ исповѣдуетъ больнаго въ случаѣ опасности смерти и является исполнителемъ послѣдней воли умирающаго—выслушиваетъ изъ его усть духовное завѣщаніе.

Мужъ, хоть и наказываетъ жену плетью, все же имѣетъ въ ней совѣтницу себѣ; съ ней онъ раздѣляетъ заботу о дѣтяхъ, о хозяйствѣ и проч. Обыкновенно дѣти до брака своего живутъ неотлучно при родителяхъ, раздѣляя съ послѣдними ихъ образъ жизни, который, такимъ образомъ, естественно является наслѣдственнымъ, отсюда также, семья—это практическая школа, обучающая дѣтей тому поведенію, образу жизни, тѣмъ занятіямъ и способу существованія, какія практиковались въ семьѣ. Абиссинское семейство живетъ обыкновенно само-заклученно, въ слабой связи съ окружающимъ обществомъ, потому семейныя связи въ Абиссиніи особенно сильны. Только во время полевыхъ работъ, по необходимости, бываетъ сближеніе крестьянскихъ семей, да и то на время; у аристократовъ же, за отсутствіемъ работъ, не бываетъ и этого. „Сидѣть дома въ кругу своей семьи“—вотъ девизъ абиссинца. За то и родовая месть въ Абиссиніи въ большомъ ходу. Родственники убитаго преслѣдуютъ убійцу изо всѣхъ силъ, чтобы представить его на судъ негуса. Если подозрѣваемый будетъ признанъ на судѣ ликаонта виновнымъ, палачъ отдаетъ связаннаго преступника родственникамъ убитаго. Тѣ дѣлаютъ съ убійцей, что хотятъ. Такъ, напр., каждый поочередно подходитъ къ нему и причиняютъ ему страданія: первую подходитъ мать убитаго и выкалываетъ убійцѣ глаза. Отецъ бьетъ его по головѣ палкой, братья наносятъ раны копьями, дѣвушки колютъ преступника въ лицо иголками и т. д. Но бываютъ сострадательные родственники, которые прощаютъ убійцу со словами: „Богъ съ нимъ! родной нашъ убить и не воскреснетъ. Но отпуская убійцу, родичи требуютъ отъ него плату.

---

## ОБЩЕСТВЕННЫЙ, СТРОЙ, ЗАНЯТІЯ, ОБРАЗЪ ЖИЗНИ И ПРАВЫ.

Въ Абиссиніи туземное населеніе рѣзко распадается на два класса свободныхъ жителей: 1) высшій, аристократическій, дворянскій классъ, называемый бала-рысть т. е. буквально—имѣющій наслѣдіе, землю, и 2) баладже — буквально несобственникъ, безземельный, называемый иначе ахуай—мужикъ, холопъ. Земля такимъ образомъ является основаніемъ дѣленія на классы; по отношенію къ владѣльцу она является — „рысть“—достояніе, наслѣдіе, а по отношенію къ правительству, государству, она считается, какъ условіе военной повинности и называется „гаша“ буквально щитная земля, т. е. обязывающая своего владѣльца нести военную службу, съ которою связаны чины, награды, казенное жалованье и проч. Только на войнѣ абиссинецъ и можетъ отличиться и стать заслуженнымъ генераломъ или поступить въ свиту царя.

„Рысть“ (или гультъ)—это наслѣдственное владѣніе. Онъ представляетъ собою большой участокъ земли, принадлежащій цѣлой фамиліи. Рысть не продаваемъ и недѣлимъ между членами семейства—это потому, что рысть въ сущности царская земля, обязывающая своего владѣльца кромѣ военной службы еще къ извѣстной подати (гыбыръ). Отсюда рысть еще значитъ податная земля. Обыкновенно рыстомъ владѣютъ нѣсколько семействъ, происшедшихъ отъ перваго владѣльца. Это цѣлый родъ, владѣющій рыстомъ и носящій фамилію, произведенную отъ имени перваго владѣльца. Самый рысть

называется тоже этимъ именемъ. Области: тамбенская, сменская и др. заимствовали свои названія отъ именъ первыхъ владѣльцевъ. Если предокъ - владѣлецъ рыста прославился какими-нибудь подвигами, то эта слава принадлежитъ и его потомкамъ, населяющимъ „рысть“. Отсюда у абиссинцевъ существуютъ нѣкоторыя славныя, знаменитыя фамиліи, извѣстныя по всей Абиссиніи. Члены такой фамиліи вступаютъ въ бракъ съ членами не менѣе знаменитаго рода. На этомъ основано главное условіе брака — соответствіе фамилій. При погребеніи какого-нибудь члена рода, риторы въ рѣчахъ подробно излагаютъ всю родословную покойнаго и славныя дѣянія его предковъ, записанныя въ лѣтописной памяти народа.

Браки не нарушаютъ въ Абиссиніи цѣлости фамилій; это потому, что носителемъ фамиліи служить тамъ не одна мужская линія, а и женская. Если послѣ брака новобрачные переселяются на жительство въ „рысть“ невесты, то потомки ихъ будутъ носить фамилію невесты, т. е. того рыста, гдѣ поселились его предки; и на оборотъ, если женихъ и невеста, сочетавшіеся бракомъ, станутъ жить въ рыстѣ жениха, то тогда въ потомствѣ ихъ сдѣлается наследственной фамилія жениха.

Есть такіе рысты, родъ владѣльцевъ коихъ прекратилъ свое существованіе. Каждый такой рысть поступаетъ въ казну, и негусъ имѣетъ право подарить его кому-либо изъ безземельныхъ холоповъ, отличившемуся на войнѣ, и тѣмъ сдѣлать его дворяниномъ, славнымъ владѣльцемъ рыста и предкомъ новаго дворянскаго рода, въ преданіяхъ котораго остаются памятны: имя перваго владѣльца рыста, подвигъ, стяжавшій ему славу и милость царскую, и имя того негуса, при которомъ это случилось. Потомки холопа, ставшаго дворяниномъ, должны уже нести обязательную военную службу, а будучи холопами они были бы свободны отъ нея: холопы могутъ нести ее добровольно.

Баладже или безземельные крестьяне, не имѣя своей земли, работаютъ на чужой дворянской. Цѣлымъ семействомъ, съ женой и взрослыми дѣтьми холопъ работаетъ въ полѣ. Зажиточные холопы имѣютъ по нѣскольку паръ воловъ и ими работаютъ отъ мѣры, т. е. получая отъ владѣльца рыста условленную часть вымолоченнаго хлѣба. Холопъ беретъ себѣ у дворянина участокъ земли, обрабатываетъ его, собираетъ

съ него хлѣбъ и пятую или четвертую часть его удѣляетъ помѣщику. Часто бываетъ, что два холопа, имѣющіе только по одному волю, соединяются вмѣстѣ, образуя союзъ. Пара ихъ воловъ и ихъ семейства работаютъ сообща на участкѣ, выпрошенномъ у помѣщика, а вырученный хлѣбъ дѣлится между обоими холопами поровну. Холопъ, не имѣющій ни одного вола, работаетъ на участкѣ помѣщичьими волами и за это отдаетъ владѣльцу бѣльшую часть хлѣба, чѣмъ другіе. Въ Абиссиніи есть такія мѣста, гдѣ бываетъ три жатвы въ годъ. Въ поземельной мѣрѣ жатва принимается за зиму. Единицей мѣры земли считается довольно крупный и плохо-опредѣленный клочекъ земли, на одиночную вспашку котораго одною парю воловъ требуется цѣлая зима, — она называется „мыхрамъ“ — зимовикъ. Участокъ, вдвое большій его, опредѣляется такъ: „мыхрамъ-цымди“, буквально — „двѣ зимы“ т. е. то, что нужно пахать цѣлую зиму двумя парами воловъ: „три зимы“ — участокъ, требующій для одиночной вспашки трехъ паръ воловъ и т. д. Обыкновенно холопъ, имѣющій только пару воловъ, беретъ себѣ земли по числу паръ быковъ.

Обработка пахатной земли происходитъ такъ. Холопъ, взявшій цѣлый мыхрамъ, вспахиваетъ его не сразу, а по частямъ. Отмѣтивъ небольшой клочекъ земли, онъ разбрасываетъ на немъ сѣмена, потомъ вспахиваетъ его. За плугомъ, по бороздѣ идутъ слѣдомъ холопская жена и дѣти. Они сравниваютъ борозду голыми руками и выбрасываютъ изъ нея корни сорныхъ травъ. То же дѣлается на другомъ клочкѣ, на третьемъ и т. д., пока не будетъ засѣянъ и вспаханъ весь мыхрамъ. Пойдутъ обильные дожди, хлѣбъ быстро взойдетъ, выростетъ, поспѣетъ. Съ наступленіемъ жатвы холопъ снова со всею семьей въ полѣ. Мужъ жнетъ хлѣбъ, жена связываетъ его въ снопы, а дѣти сносятъ ихъ въ мѣсто, предназначенное для гумна. Мѣсто гумна опредѣляется по согласію нѣсколькими холопами вмѣстѣ. Въ центрѣ своихъ нивъ они выбираютъ ровное, круглое пространство земли, которое, послѣ уборки на немъ хлѣба, очищается отъ жнива и корней, поливается водою и утаптывается копытами воловъ. Трудъ устройства гумна раздѣляется между всѣми холопами, образовавшими союзъ. Близъ гумна складывается хлѣбъ союзниковъ. Каждый членъ ставитъ свой стогъ, такъ что со временемъ вокругъ гумна образуется кольцо изъ стоговъ. При молотбѣ

наблюдается строго очередь, имѣющая въ основѣ или то, кто раньше убралъ хлѣбъ, или то, кто имѣетъ больше хлѣба, или что-ниб. другое. Для вымолоченія хлѣба отпускаются всѣ волы, принадлежащія союзникамъ, а изъ людей въ работѣ участвуютъ лишь тѣ, чей хлѣбъ на очереди. Холопъ — членъ союза, вымолотившій свой хлѣбъ, обязанъ очистить гумно для слѣдующаго своего товарища, а этотъ — для третьяго и т. д. Но холопъ, имѣющій много воловъ и большой участокъ земли не прибѣгаетъ къ союзамъ, а работаетъ собственными средствами. По разбросанному на гумнѣ хлѣбу пускаютъ гуртъ быковъ. Чтобы волы не ѣли хлѣба, имъ стягиваются челюсти веревкой. Вокругъ гумна идетъ кольцомъ огорожа изъ камней, чтобы волы не разбѣгались въ стороны. Ихъ гоняетъ холопскій мальчикъ кругомъ, пока не собьютъ всего хлѣба. Мелкую солому сохраняютъ какъ кормъ, а крупную разбрасываютъ по полю для удобренія земли. Вымолотивъ и просѣявъ свой хлѣбъ, холопъ тутъ же на гумнѣ отмѣриваетъ изъ него условленную часть владѣльцу, который при этомъ присылаетъ на гумно своего надсмотрщика. Изъ вырученнаго хлѣба холопъ часть везетъ на рынокъ мѣнять на серебро или на скотъ, а часть оставляетъ себѣ.

Когда требуется испечь нѣсколько хлѣбовъ, холопская жена насыпаетъ нѣсколько горстей зерна въ углубленія большаго камня и раздробляетъ въ немъ зерно. Полученная мука тщательно просѣвается чрезъ густое сито. Хлѣбы пекутся въ видѣ большихъ тонкихъ лепешекъ. Особенно вкусные хлѣбы бывають изъ тефа. Тефъ — это наиболѣе цѣнное въ Абиссиніи хлѣбное растеніе. Онъ растетъ низко и даетъ сѣмена, похожія на манную крупу. По вкусу ему уступаютъ пшеница и дагусъ, изъ котораго готовятъ хлѣбъ, квасъ и преимущественно опрѣсноки — машилла. Тефъ еще употребляется въ качествѣ приправы къ различнымъ похлебкамъ, какъ у насъ рисъ. А изъ огородныхъ растеній наиболѣе употребительна тыква, изъ которой дѣлаютъ вкусную похлебку. вмѣсто вина абиссинцы пьютъ вкусный хмѣльный напитокъ, „тѣэдъ“, такъ какъ винограду въ Абиссиніи мало; да и вообще туземцы не любители древесныхъ плодовъ, которые во множествѣ гибнутъ тамъ даромъ. Уважаютъ развѣ только бананы, которыя достигаютъ здѣсь необыкновенныхъ размѣровъ и играютъ въ употребленіи туземцевъ такую же роль, какъ у насъ хлѣбъ-соль,

т. е. ихъ подносятъ высокопоставленнымъ лицамъ, при встрѣчахъ, привѣтствіяхъ поздравленіяхъ и проч.

Кромѣ земледѣлія абиссинскіе холопы занимаются еще скотоводствомъ. Оно состоитъ въ томъ, что какой-нибудь зажиточный холопъ скупаютъ молодыхъ быковъ, пасетъ ихъ, размножаетъ и проч. Такимъ образомъ у него образуется цѣлое стадо быковъ, которыхъ онъ продаетъ по частямъ, мѣняя на серебро. Кромѣ быковъ скотоводы скупаютъ овецъ и козъ. Пастбищемъ для скота служитъ гуляющая земля помѣщичьяго „рыста“. По ней нанятый скотоводомъ пастухъ гоняетъ стадо, за что владѣлецъ получаетъ отъ хозяина стада плату серебромъ или скотомъ. Считается выгоднымъ отдавать землю подъ пастбище, потому что она становится плодороднѣе. Скотъ холоповъ, живущихъ на рыстѣ, тоже пасется на помѣщичьей землѣ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто. Пастухъ этого стада питается очередными приношеніями хозяевъ скота; отсюда понятно, почему пастухъ считается въ Абиссиніи знатокомъ людей. Онъ по пищѣ судитъ о тѣхъ, кто ее готовитъ. Онъ можетъ безошибочно опредѣлить характеры всѣхъ обитателей своего района, потому всегда можетъ явиться желательнымъ помощникомъ амачу (свату).

## II.

Жизнь абиссинскаго аристократическаго семейства въ противоположность холопскому отличается полнымъ сибаритствомъ. Ни родители, ни ихъ дѣти положительно ничего не дѣлаютъ, пользуясь лишь трудами другихъ. Слуги исполняютъ все: готовятъ пищу, шьютъ одежду, моютъ ее, чистятъ домъ и проч. Лѣнь—это болѣзнь абиссинскаго дворянства, которая покоится на землевладѣніи и холопствѣ. Единственное занятіе для немногихъ интеллигентовъ—это охота, но она существуетъ какъ развлеченіе. Охотникъ старается убить слона или льва и тѣмъ пріобрѣсть себѣ извѣстность. Самъ негусъ стремится къ славѣ искуснаго охотника. Какъ специальное занятіе, охота распространена только среди дикихъ языческихъ народовъ и мусульманъ, населяющихъ Абиссинію, каковы, напр., фалаша, оайта, галла, самалійцы и др. Абиссинскіе охотники не мечтаютъ о торговлѣ звѣриными шкурами, слоновою костью

и проч. Но усердные изъ нихъ не прочь полакомиться жаркимъ изъ дикихъ птицъ или даже мясомъ гиппопотама. Въ немъ особенно цѣнится кожа гладкая, мягкая и нѣжная; а изъ длиннаго тонкаго хвоста выходитъ прелестный кнутъ.

Отъ утра и до вечера абиссинскіе аристократы проживаютъ безвыходно въ своихъ домахъ. Визиты къ сосѣдямъ—рѣдки, какихъ нибудь прогулокъ, катаній и проч. не водится. Кой-гдѣ въ семействахъ мужчины занимаются единственной въ Абиссиніи якобы азартной игрою „чевыта“. Она требуетъ нѣкоторыхъ соображеній и близко подходитъ къ нашей шашечной игрѣ. Жены вельможъ позволяютъ себѣ въ домашнемъ быту нѣкоторую роскошь: полулежа на мягкихъ подушкахъ, окруженныя внимательными невольницами, онѣ небрежно выслушиваютъ привѣтныя рѣчи посѣтителей и не щадятъ издержекъ ни на прозрачныя ткани легкихъ одеждъ, ни на драгоценныя уборы. Вообще абиссинки, особенно высшій классъ, очень стройны и красивы; черты ихъ лица правильны; смуглая кожа необыкновенно нѣжна, волосы—длинные.

Мужчинъ—вельможъ обыкновенно окружаютъ слуги. Два изъ нихъ, занимая мѣста по сторонамъ своего владыки; обвѣиваютъ его опахалами изъ страусовыхъ перьевъ и не даютъ назойливымъ насѣкомымъ беспокоить господина. Въ своемъ домѣ абиссинецъ не стѣсняетъ себя лишнею одеждою: онъ сидитъ въ одномъ бѣломъ плащѣ, прикрывающемъ тѣло отъ пояса до ногъ. Вотъ и все. Ни въ домѣ, ни внѣ дома абиссинцы не носятъ шапокъ, и всѣ, даже негусъ, всюду ходятъ босыми. Только больные носятъ сандалии.

Самая нижняя у каждаго абиссинца одежда (въ томъ числѣ и женщинъ)—камисъ (хитонъ). Это длинная рубашка изъ бѣлой или цвѣтной льняной матеріи съ множествомъ мелкихъ застежекъ на груди и на рукавахъ. Камисъ иногда вышивается дорогими узорами изъ золота или бисера, и въ такомъ своемъ видѣ свидѣтельствуетъ уже о значительныхъ заслугахъ того лица, на комъ онъ надѣтъ. Дорогой цвѣтной, шелковый камисъ съ вышивками часто дается негусомъ въ качествѣ награды. Камисъ дорогой уже не надѣвается на самое тѣло, а поверхъ другаго камиса—простого. Интеллигентные абиссинцы носятъ еще подъ камисомъ широкія штаны, но не всегда. Сверхъ, же камиса набрасывается „лэвса“—одежда древнихъ. Это широкій и длинный кусокъ изъ тончайшей бѣлой мате-

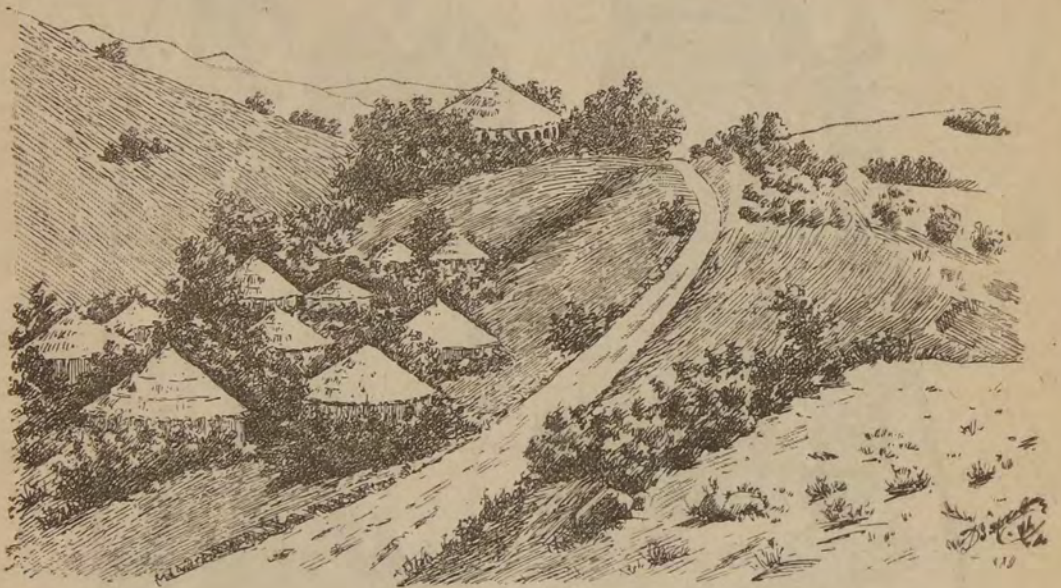


риц, сложенной обыкновенно вдвое или втрое. Есть нѣсколько способовъ надѣванія лэвсы, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ случаямъ: 1) способъ ношенія во время молитвы, 2) при встрѣчѣ съ начальникомъ, 3) при встрѣчѣ съ негусомъ, 4) дома, 5) при гостяхъ, 6) за обѣдомъ, 7) на прогулкѣ. Въ каждомъ изъ указанныхъ случаевъ способъ ношенія лэвсы видоизмѣняется. Обыкновенно же ею покрываютъ лѣвую сторону тѣла, обвивъ



верхними концами шею. При такомъ способѣ ношенія, правая рука остается свободной для дѣйствій. Лэвса стоитъ очень дорого. Съ пурпуровой шелковой полосой она указываетъ на знатность происхожденія носителя ея, а безъ нея носится всѣми безъ исключенія. Камисъ и лэвса это всеобщая одежда абиссинцевъ, носимая всѣми, начиная отъ негуса и кончая холопомъ. Далѣе слѣдуютъ случайныя одежды. Сюда относится борнусъ,—накидка изъ чернаго сукна безъ рукавовъ, застегивающаяся возлѣ шеи и покрывающая все тѣло ниже

колѣнъ. Борнусъ обыкновенно одѣвается поверхъ всѣхъ другихъ одеждъ и имѣетъ назначеніе предохранять отъ вліяній атмосферы, почему его носятъ только въ дурную погоду. Борнусъ такой же, но покорооче и спускающійся только до пояса, уже называется макъ. Онъ дѣлается изъ овечьей волны. Франты изъ абиссинцевъ надѣваютъ поверхъ всѣхъ обычныхъ одеждъ, т. е. поверхъ камиса и лэвсы странную накидку подъ названіемъ лямды. Она дѣлается изъ цвѣтнаго атласа или бархата, вышивается разноцвѣтною шерстью и по виду походитъ на шерстяной макъ—короткій борнусъ, но съ тою разницею, что нижняя круговая линія лямды идетъ крутыми изгибами и изво-



Видъ абиссинскаго селенія.

ротами. Растянутая лямда имѣетъ форму цѣльной звѣриной шкуры. Лямда имѣетъ еще значеніе привилегированной одежды абиссинскихъ сановниковъ и князей, у которыхъ она разукрашивается золотомъ и камнями. У охотниковъ лямдой служатъ цѣльная леопардовая шкура.

Абиссинскіе военные надѣваютъ сверхъ камиса поясъ, къ которому привязывается длинная дугообразная сабля. Въ лѣвой рукѣ воинъ держитъ щитъ изъ буйволовои кожи, убранный золотыми и серебряными бляхами, а въ правой—копье. Князья носятъ обыкновенныя одежды абиссинцевъ, а на голову надѣваютъ шапку изъ львиной гривы съ узкимъ золо-

тымъ околышемъ. Это расъ-оркъ т. е. золотая голова. Ее можетъ надѣть только родовитый, владѣтельный князь.

У женщинъ камисъ—нижняя рубашка всегда бываетъ, какъ у духовныхъ, съ широкими рукавами. Женская лэвса отличается тѣмъ, что окутываетъ всю голову и спускается ниже мужской, такъ что часть ея волочится даже по землѣ. Борнусъ одинаковъ, какъ и у мужчинъ, такъ и у женщинъ.

Какъ просты одежды абиссинцевъ, такъ несложны и ихъ жилища. Въ постройкѣ крестьянскаго дома участвуетъ весь околodoкъ. Одни сносятъ матеріаль, другіе строятъ стѣны, третьи выводятъ крышу,—это по братски—за спасибо. Отдѣленій для комнатъ въ абиссинской хижинѣ не полагается. У богачей роль комнатъ играютъ отдѣльныя зданія. Одинъ домъ—спальня, другой—кухня, третій—кладовая и т. д. Абиссинскія хижинки съ своими коническими крышами, утопающія въ зелени кустовъ, представляютъ издали любопытную картину. Церкви и соборы выдѣляются изъ общей массы хижинъ только своей величиной, а не формой, и тѣмъ, что имѣютъ на оконечности крыши крестъ. Богатые абиссинцы устраиваютъ вокругъ своихъ домовъ веранду: между стѣною дома и столбиками, поддерживающими навѣсъ крыши. Свѣтъ внутрь зданія проникаетъ лишь изъ дверей и отчасти изъ небольшого отверстія, остающагося обыкновенно между стѣнами и потолкомъ, оттого въ абиссинской хижинѣ темновато. Это, положимъ, кстати. Обстановка дома крайне убога. Земляной полъ усыпанъ травой. Въ качествѣ постели является на полу овечья шкура и кусокъ дерева вмѣсто подушки. Въ богатыхъ домахъ постель устраивается нѣсколько комфортабельнѣе. Вкапываются въ землю четыре столбика, на которыхъ укрѣпляется сѣтка изъ ремней, служащая тюфякомъ, а подъ голову кладется кожаная подушка, на полу стелются львиныя и леопардовыя шкуры. Вотъ все, что есть лучшаго въ богатомъ домѣ. Убогую обстановку дома дополняютъ военные доспѣхи и одежды, развѣшенные на стѣнахъ, да два—три водоноса въ углу. Иконъ въ абиссинскомъ жилищѣ нѣтъ, такъ какъ живописцевъ едва хватаетъ даже для храма; кромѣ того, абиссинцы, по смиренію своему, считаютъ недостойнымъ вѣшать святыню въ чадной избѣ. Для храненія имущества предназначается отдѣльное зданіе, устроенное попрочнѣе. Тамъ хозяева прячутъ дорогія ткани, кубки. Накопленное золото и серебро ссыпаютъ

въ глиняный кувшинъ, который закапываютъ въ тайномъ мѣстѣ, гдѣ нибудь подъ деревомъ около дома или въ лѣсу. Богачемъ считается тотъ, кто имѣетъ кувшинъ золота.

Когда подоспѣетъ время обѣда, всѣ господа разсаживаются на землѣ вокругъ большой корзины съ хлѣбами. Читается всѣми въ полголоса молитва: „Отче нашъ“, которой предшествуетъ импровизованная молитва старшаго члена семьи. Этотъ обычай соблюдается всѣми. Между тѣмъ слуга выкладываетъ въ корзину поверхъ хлѣбовъ густую похлебку. Въ иныхъ домахъ вмѣсто корзины устраивается настоящій столъ, только низенькій приземистый. На столѣ предъ каждымъ человѣкомъ возвышается нѣсколько хлѣбовъ, сложенныхъ одинъ на другой. Сверху кладутся бѣлые хлѣбы, а снизу какъ бы въ основаніе первыхъ—нѣсколько черныхъ. Слуга обходитъ столъ съ горшкомъ похлебки и собственною горстью раздѣляетъ ее на всѣхъ. Послѣ того, какъ баринъ принимается ѣсть верхній хлѣбъ, слуга уже спѣшитъ положить похлебки на слѣдующій, потомъ на третій и т. д. до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ со стороны господина заявленіе: „нѣальфѣллигимъ“—я не желаю. Бываетъ и такъ, что господа сидятъ на землѣ, сложя руки, а невольники кладутъ имъ прямо въ ротъ похлебку съ хлѣбомъ, куски мяса, обвернутые тонко раскатаннымъ тѣстомъ, и проч. На обильной абиссинской трапезѣ подается нѣсколько похлебокъ, играющихъ роль отдѣльныхъ блюдъ: похлебка изъ сѣмянъ тефа, сваренныхъ съ мелкими кусками говядины, похлебка изъ кабана, изъ дагуса и т. д. Послѣ похлебокъ обыкновенно ѣдятъ сырое бычачье мясо—„брондо“. Отъ бычачьей ноги или цѣлой грудины, подносимыхъ слугой, всякій отрѣзываетъ себѣ желаемую часть, которую съѣдаетъ съ перцемъ и разными горькими травами. Въ заключеніе, въ качествѣ десерта, подается сметана, наперченная до красна и подправленная душистыми спеціями. Изъ напитковъ абиссинцы особенно любятъ свой національный „тѣэдъ“. Онъ хранится внутри дома въ боченкѣ, вкопанномъ въ землю. Сквозь льняную крышку тѣэдъ изъ боченка нацѣживается въ кубки. Подавая кубокъ господину, слуга тутъ же подставляетъ свою горсть и получаетъ въ нее немного питья. Кубки бываютъ разной формы, но болѣе употребительная—это форма нашего графина. Пьянства за абиссинской трапезой не бываетъ, да и вообще оно неизвѣстно еще въ Абиссиніи. При княжескихъ и цар-

скихъ дворцахъ и въ домахъ зажиточныхъ дворянъ во время трапезы обычно фигурируютъ шуты, музыканты, пѣвцы, разскащики и т. п.

Абиссинцы очень религіозны. Любовь къ молитвѣ—это отличительная черта абиссинской націи. Тамъ въ каждомъ семействѣ дѣти съ малолѣтства пріучаются „непрестанно молиться“. Всякій грамотный абиссинецъ носитъ у себя на груди въ кожаномъ мѣшочкѣ молитвенникъ съ псалтирью и евангеліемъ (избранными мѣстами изъ четырехъ евангелій). Гдѣ только можно, позволяетъ мѣсто и время, онъ достаетъ изъ футляра книгу, креститъ ею свое лицо и, поцѣловавъ верхній край обложки и начало страницы, украшенное видами крестовъ, погружается въ чтеніе; кончитъ чтеніе, опять креститъ книгой лицо, цѣлуетъ верхній край ея, обворачиваетъ псалтирь. Отъ частаго чтенія многіе затверживаютъ ее на память. Неграмотные постоянно твердятъ общеупотребительныя молитвы: Уддасе Марьямъ, мелькаа Марьямъ, мелькаа Исусъ. Дома, въ пути, сидя или лежа, за дѣломъ или безъ дѣла— всегда и вездѣ абиссинецъ молится, шевеля губами и вздыхая. Любятъ больше домашнюю молитву, на единѣ. Наканунѣ великихъ праздниковъ многіе абиссинскіе христіане проводятъ всю ночь въ непрерывной молитвѣ. Въ самый день праздника—утромъ до трапезы и послѣ трапезы до вечера проводятъ въ чтеніи молитвъ и Слова Божія. Праздничная молитва совершается съ особеннымъ напряженіемъ и, такъ сказать, спеціально, а не какъ привычное просто движеніе мысли и устъ. Совершая молитву абиссинецъ усердно кладетъ земные поклоны, выкрикиваетъ псалмы Давида и трогательныя стихи „Мелькаа“, бія себя въ перси и бичуя по временамъ бичемъ свои обнаженные плечи.

Всѣ вообще абиссинцы придерживаются стариннаго обычая молиться въ извѣстные часы дня. Чтобы абиссинецъ ни дѣлалъ, но если пришелъ часъ молитвы, онъ бросаетъ свою работу и читаетъ извѣстное молитвенное правило. Время днемъ опредѣляется по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Даже полночь—время сна не исключается изъ числа молитвенныхъ часовъ.

Правила приличія соблюдаются всѣми строго. Въ аристократическомъ обществѣ развита даже самая утонченная вѣжливость. Люди равные по положенію, при встрѣчахъ низко кланяются другъ другу и перебрасываются скороговоркой:

— Далъ (подразумѣв. Богъ) здоровье?

— Слава Богу! Какъ дневалъ?

— Слава Богу!

Холопъ при встрѣчѣ съ дворяниномъ отвѣшиваетъ ему низкій поклонъ, касаясь рукою земли; на вопросы отвѣчаетъ тихо, закрывъ ротъ рукою или плащомъ, дабы дыханіе не коснулось благороднаго лица. Тоже дѣлаютъ всѣ младшіе передъ старшими, напр., священники предъ епископомъ, воины предъ генераломъ, подданные предъ негусомъ и проч. Дѣти цѣлуютъ родителей въ колѣна; духовныя лица цѣлуютъ другъ друга въ плечи. Друзья и товарищи при встрѣчѣ только кланяются, но не цѣлуютъ одинъ другого. Цѣлованіе въ Абиссиніи возможно лишь между самыми искренними и преданными друзьями. Такіе люди отъ души награждаютъ другъ друга несчетнымъ числомъ поцѣлуевъ. Между тѣмъ враги надѣляются другъ друга выраженіями: сынъ нищей, сынъ воровки, габро (рабъ), габаръ (мужикъ) и проч. Абиссинское общественное мнѣніе наиболѣе преслѣдуетъ воровъ и прелюбодѣевъ. Весь родъ вора презирается. Съ прелюбодѣемъ мужъ обезчещенной можетъ сдѣлать, что захочетъ, даже убить безнаказанно. Соблудившая остается безнаказанною и даже не подвергается укорамъ, между тѣмъ какъ преступившій съ нею всюду наказывается презрѣніемъ и награждается самымъ низкимъ именемъ: „сорокъ разъ воръ“. Абиссинцы очень вспыльчивы и между ними часто происходятъ ссоры, доходящія даже до кровопролитія, но эти ссоры быстро утихаютъ. Миръ заключается символическимъ дѣйствіемъ. Желаящій помириться взваливаетъ себѣ на затылокъ камень и кланяется противнику до земли. Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ тебя проститъ“ и снимаетъ камень. Честность считается первѣйшимъ качествомъ всякаго, имѣющаго свой домъ. Оттого среди абиссинцевъ распространено взаимное довѣріе. Но у обманщика никто не переступить порога, боясь опозорить себя предъ всѣмъ околodкомъ.

Рабство въ Абиссиніи еще существуетъ, но со времени негуса Іоанна оно ослаблено. Все-таки и теперь рабъ не имѣетъ права жаловаться на своего господина судѣ. Если рабъ убѣжитъ, то господинъ имѣетъ право разыскивать. Вѣрный рабъ по истеченіи нѣкотораго времени можетъ получить свободу. Предъ смертью господина рабы окружаютъ его одръ и выслушиваютъ его волю въ присутствіи свидѣтеля-духовника. Въ

этотъ моментъ рѣшается участь рабовъ. Кому дается свобода и отпушеніе, кому приказывается оставаться въ рабствѣ, а иному дается не только свобода, но и право пользоваться „рыстомъ“ (имѣніемъ) наравнѣ съ другими родственниками умирающаго. Строгіе господа бываютъ жестоки съ рабами, тиранятъ ихъ. Если господинъ желаетъ вывѣдать отъ раба какую-нибудь тайну, то можетъ подвергать его какимъ угодно пыткамъ. Продать своего раба господинъ можетъ свободно, но убійца раба наказывается смертью. Рабъ, принявшій христіанство, получаетъ свободу. Вообще абиссинцы не берутъ къ себѣ рабами христіанъ. Купцы доставляютъ въ Абиссинію рабовъ, набранныхъ или захваченныхъ изъ сосѣднихъ магометанскихъ и языческихъ племенъ, каковы: галла, самалійцы, панкала и др. Стоимость раба приблизительно опредѣляется въ 100—200 рублей.

Зажиточные священники тоже имѣютъ рабовъ. Вообще семья священника по образу жизни, домашней обстановкѣ и проч. принадлежитъ къ разряду дворянскихъ семей. Священники имѣютъ гульть (церковную землю) и холоповъ, какъ и дворяне. Но нужно замѣтить, иные изъ абиссинскихъ дворянъ не чужды нѣкотораго презрительнаго взгляда на приходскихъ священниковъ. Имя каши — попь одно изъ ругательныхъ словъ въ Абиссиніи. Абиссинцамъ собственно не нравится частое причащеніе священниковъ. Причащаться часто по понятіемъ абиссинцевъ значитъ не имѣть никакого уваженія къ св. Тайнамъ, не имѣть страха Божія, быть гордецомъ и проч. Священниковъ за еженедѣльное причащеніе св. Таинъ обзываютъ презрительно „недѣльниками—самопаня“. Поэтому въ Абиссиніи священникамъ предпочитаютъ монаховъ, которые по смиренію приступаютъ къ таинству не болѣе, какъ разъ въ 5—10 лѣтъ. Многимъ не нравится также хожденіе священниковъ по домамъ на поминальные и праздничные обѣды и особенно на свѣтлой недѣлѣ.

Въ Абиссиніи есть небольшая горсть торговцевъ. Но собственно обороты ихъ незначительны. Торговое дѣло не имѣетъ тамъ правильной организаціи. Собственно говоря, торговля въ Абиссиніи и не можетъ быть широкой, потому что каждый домъ, каждое семейство, будь оно аристократическое или холопское, при самыхъ узкихъ потребностяхъ жизни, довольствуется работой рукъ своихъ. Мужъ, жена, дѣти, слуги,

рабы при взаимномъ раздѣленіи труда удовлетворяютъ всѣ насущныя потребности всего своего семейства. Изъ льна и пеньки жена дѣлаетъ нитки, мужъ шьетъ одежды и моетъ ихъ въ рѣкѣ, дѣти собираютъ дрова и т. д. Абиссинцы нуждаются только въ готовой матеріи, которой сами не дѣлаютъ; ее можно приобрести на мѣстѣ у какого-нибудь сосѣда магометанина.

Торговля абиссинцевъ ведется съ египтянами, индійцами, греками, арабами, евреями, итальянцами и французами. Самый важный рынокъ, гдѣ теперь сбываются абиссинскія произведенія и взамѣнъ ихъ получаютъ иностранцы, — это Джибутти, на берегу Краснаго моря. Здѣсь абиссинцы покупаютъ парчу, вино, оружіе, порохъ, патроны, металлическія издѣлія, сталь и мѣдь въ необдѣланномъ видѣ, олово, свинець, бумажныя и шелковыя ткани, кисею, ситцы, полотно и бархатъ, письменныя принадлежности, духи, сахаръ и спиртные напитки; а сами взамѣнъ этого сбываютъ кофе, гумми, куссо, пряности, мускусъ, слоновую кость, золотой песокъ, ковры, медь, воскъ и кожи. Караваны идутъ отъ Джибутти до Харрара 12—14 дней, до Энтото—25—30 дней, до Аккобера—20—25 дней, до озера Цана—60—65 дней и въ Тигре дней 80<sup>1)</sup>. Перевозка пуда товара отъ Джибутти до Харрара стоитъ при наймѣ около 1 рубля, а на собственныхъ вьючныхъ гораздо дешевле, причемъ прислуга обойдется отъ 3—6 рублей человѣку въ мѣсяцъ. Вся торговля платитъ 10 проц. сбора въ казну.

Необыкновенно великъ спросъ Абиссиніи на образа, кресты, парчу, канитель для вышиванія церковныхъ облаченій, рабочіе инструменты, украшенія для упряжи, сафьянъ, ситцы, полотно, миткаль, плизъ и стекло.

Внутренняя торговля состоитъ въ эксплуатаціи иностранныхъ товаровъ, приобретенныхъ абиссинскими купцами въ Массовѣ, Джибутти и Таджурѣ, а также въ обмѣнѣ мѣстными произведеніями. Мѣстомъ торговли служатъ базары. Каждый городъ, каждое большое селеніе открываетъ у себя базаръ еженедѣльно въ свой базарный день. Такъ, на примѣръ, въ Гондарѣ бываетъ базаръ въ каждый четвергъ, въ Аксумѣ—

<sup>1)</sup> См. Звягинъ, К. С. Современная Абиссинія. Стр. 25—26.



въ пятницу, въ Адуа — въ субботу. Въ воскресенье всѣ рынки бывають закрыты. Главнѣйшія складочныя мѣста внутренней торговли — города: Гондаръ, Адуа, Черкинъ и Сире. Въ Адуа существуетъ, кромѣ того, нѣсколько бумажныхъ фабрикъ, организованныхъ по индійскимъ образцамъ. На базарныхъ рынкахъ, кромѣ иностранныхъ, сбывается масса туземныхъ товаровъ: хлѣбъ, пряности, ковры, кожи, скоть и проч. Единицей торговаго вѣса служитъ „ротоло“, который дѣлится на 12 „ваксо“. Ваксо вѣситъ 12 драхмъ или 4 лота и 27 долей.

На ежедневныхъ рынкахъ въ городахъ Абиссиніи можно видѣть оживленную картину отъ смѣшенія различныхъ обитателей этого края. Начальникъ города возсѣдаетъ въ наблюдательномъ положеніи подъ старой акаціей. Въ толкотнѣ и при ужасномъ гамѣ переходять изъ рукъ въ руки одежда, жизненные припасы, украшенія и домашній скоть. Тутъ проталкивается земледѣлецъ, въ своей запачканной одеждѣ, до сборщика податей, чтобы вручить ему мѣрку зернового хлѣба или извѣстное количество масла; тамъ выступаетъ мрачный адали, съ мрачнымъ равнодушіемъ къ толпѣ, прочищая себѣ проходъ саблею. Здѣсь сидитъ на корточкахъ разносчикъ изъ Харрара, съ тюрбаномъ на головѣ и въ голубомъ передникѣ и торгуется за кусокъ черной соли, которая ему служитъ мелкою монетою, съ такимъ шумомъ и жаромъ, какъ будто дѣло идетъ о тысячѣ талеровъ Маріи Терезіи. Вокругъ рынка короткимъ галопомъ скачетъ дикій галла; волосы и одежда его раздуваются вѣтромъ; къ сѣдельной лукѣ сзади прикрѣпленъ сосудъ съ медомъ или съ масломъ. Лошадь поджара и дика, какъ ея всадникъ. По рынку снуютъ христіанскія бабы съ яйцами и живностью...

Среди площади рынка возвышается курганъ, служащій мѣстомъ правительственныхъ объявленій. Когда негусъ или его намѣстникъ пожелаетъ что-либо объявить всему населенію губерніи, то для этого стоитъ только разослать гонцовъ во всѣ тѣ мѣста, гдѣ въ тотъ день открываются базары. Аоджъ-нагарить — губернской глашатай, взобравшись на курганъ среди базарной площади, сзываетъ къ себѣ народъ условнымъ гудкомъ въ руку. Со всего базара народъ стекается къ кургану. Когда движеніе и говоръ утихнутъ, глашатай послѣ обычнаго прославленія негуса и пожеланія ему долголѣтняго

царствованія излагаетъ устно содержаніе правительственнаго указа или объявленія. По окончаніи чтенія народъ произноситъ: „аминь“. Обычно всѣ царскіе указы и объявленія начинаются такими фразами: „Царству эіопскому указъ царя царей Менелика“.

Слушайте, слушайте! (сыма—сыма). Да не дасть Богъ согласія врагамъ нашихъ горь и холмовъ.

Слушайте, слушайте! Да не дасть — и врагамъ Менелика, государя нашего.

Слушайте, слушайте! —И врагамъ Божіей Матери.

Желая прославить нашу страну, наше царство... (идетъ содержаніе указа, въ концѣ котораго добавляются слова: „человѣка же говорящаго: „я не принимаю сего“, — приведите ко мнѣ“).

### III.

Въ Абиссиніи существуетъ небольшая горсть населенія подъ таинственнымъ именемъ „тавивъ“, что значитъ мудрецы, по амгарски „будда“. Тавивы или будды по профессіи ремесленники. Они обыкновенно живутъ группами, сплочиваясь другъ къ другу. Нѣсколько тавивскихъ семействъ образуютъ цѣлое селеніе. Встрѣчаются смѣшанные поселки, т. е. такіе, населеніе которыхъ состоитъ изъ тавивовъ и не тавивовъ; но и въ нихъ тавивскія семейства группируются въ одномъ мѣстѣ отдѣльно отъ другихъ, занимая цѣлую половину селенія. Дома тавивовъ—это мастерскія, въ которыхъ выдѣлываются всѣ предметы домашняго и хозяйственнаго обихода. Тавивъ—столяръ, тавивъ копается въ горахъ, доставая изъ нѣдръ земли желѣзную и мѣдную руду, золото, серебро. Тавивы куютъ изъ металловъ сохи, топоры, ножи, мечи, лопаты и пр., искусно выдѣлываютъ кожи, пергаментъ, плетутъ циновки и корзины, ткутъ ковры. Кромѣ того, жена тавива непременно горшечница; она дѣлаетъ изъ глины горшки и водоносы, кадки и проч.

Ремесленное искусство въ Абиссиніи наслѣдственно, т. е. передается отъ родителей къ дѣтямъ. Дѣти мужскаго пола, помогая отцу и работая съ нимъ, усвояютъ отъ него столярное и кузнечное мастерство, а дѣвочки научаются отъ матери

торшечному дѣлу. вмѣстѣ съ тѣмъ сословіе ремесленниковъ окружается въ народномъ сознаніи какою-то таинственностью. Тавивъ—„нужный человѣкъ“, но онъ представляется человекомъ, знающимъ тайны бытія и умѣющимъ творить „чары“. Самое поведеніе тавивовъ и образъ жизни ихъ питаютъ это народное убѣжденіе. Дѣло въ томъ, что тавивы живутъ совершенно отчуждено отъ другаго общества, составляя собою особый міръ, касту, чуждую тѣхъ воззрѣній и того склада жизни, которыя существуютъ вокругъ ихъ. Абиссинецъ идетъ къ тавиву только за дѣломъ, чтобы поручить ему работу и, получивъ свое, оставляетъ порогъ тавива. Связи тавивовъ съ народомъ только дѣловыя. Бракъ въ семьѣ тавива это кастовое торжество, въ которомъ принимаютъ участіе одни тавивы. Съ другой стороны, народъ видитъ, что тавивы живутъ не такъ, какъ другіе люди. Занятіе ихъ особое, способности тоже—ихъ и называютъ мудрецами. Они и къ религіи индифферентны, погружены въ свою работу. А эта работа — не одно только ремесло столярное или кузнечное, а и нѣчто большее. Тавивы умѣютъ лучше другихъ приспособляться къ жизни: у нихъ какъ-то лучше дѣла идутъ. Случится-ли пожаръ, или моръ, или нападеніе разбойниковъ на мѣстность,—тавивы при этихъ общественныхъ бѣдствіяхъ умѣютъ какъ-то оставаться невредимыми. Кажется, будто они знаютъ и дѣлаютъ то, чего не знаютъ и не могутъ дѣлать другіе. Мало того,—существуетъ убѣжденіе, что тавива опасно обидѣть или поссориться съ нимъ: онъ отомститъ по своему. Онъ можетъ какъ-то наслать смерть на своего врага, хотя бы тотъ былъ отъ него за тридевять земель. Какъ это можно сдѣлать, извѣстно однимъ только тавивамъ, т. е. мудрецамъ. Образъ жизни тавива и сложившееся о нихъ мнѣніе прочно охраняютъ эту касту отъ вторженія въ нее новыхъ свѣжихъ элементовъ, т. е. не можетъ случиться, чтобы какой-нибудь абиссинецъ — не тавивъ по роду, взялся за какое-нибудь ремесло. Вѣдь онъ въ такомъ случаѣ сдѣлается предметомъ тайной ненависти всего общества и на него перенесутъ все, что говорятъ о другихъ ремесленникахъ, т. е. станутъ считать опаснымъ человекомъ, другомъ сатаны, колдуномъ, будутъ чуждаться его. Онъ опозоритъ и себя и весь свой родъ, который отселѣ станетъ тавивскимъ. Мѣстечко „Мынджи“ извѣстно по всей Абиссиніи, такъ какъ оно все состоитъ изъ однихъ тавивовъ. Кто изъ

Мынджи, того всё обходятъ и опасаются имѣть съ нимъ какое-нибудь общеніе. Общество тавивовъ строго хранить въ тайнѣ все достояніе своей мудрости, какъ будто подъ клятвой не сообщать его другимъ—не тавивамъ. Если какой-нибудь тавивъ, проникнувшись благочестіемъ, оставляетъ свое занятіе и перемѣняетъ образъ жизни, то и въ такомъ случаѣ онъ не открываетъ извѣстныхъ ему тайнъ. Онъ совершенно какъ-бы порываетъ связь съ прошлымъ и начинаетъ новую жизнь, нося на своемъ челѣ печать задумчивости. Онъ старается даже не вспоминать о прошломъ. Всё это знаютъ и потому не побуждаютъ его на воспоминанія.

Но въ самомъ обществѣ есть орудіе противъ тайныхъ дѣлъ тавивовъ. Фавуасъ-цѣлитель знаетъ средства противъ болѣзней, насылаемыхъ тавивами. Онъ есть почти въ каждомъ селѣ. Если кто заболѣетъ тою болѣзью, которая считается слѣдствіемъ чаръ тавива, немедленно посылаютъ за фавуасомъ, называемымъ еще „медганидъ“—спаситель. Симптомы этой болѣзни извѣстны тамъ каждому. Она продолжается не долго и наступаютъ неизбѣжно смерть, если фавуасъ не подоспѣетъ во время. Онъ приноситъ съ собою стеклянку какого-то лекарства, которое даетъ выпить больному; послѣ этого у больного наступаетъ сильный бредъ; тутъ фавуасъ задаетъ вопросы больному, причѣмъ относитъ ихъ не лично къ больному, а къ таинственному невѣдомому человѣку, который считается виновникомъ болѣзни, т. е. къ чародѣю тавиву. Отвѣты на вопросы говоритъ больной, но предполагается, что это его устами говоритъ тавивъ. Отвѣты эти сообразно вопросамъ касаются того, когда больной видѣлся съ тавивомъ, близко ли знакомъ съ нимъ, что послужило причиной ссоры, при какихъ обстоятельствахъ, гдѣ и когда она произошла и пр. Потомъ фавуасъ обращается къ больному съ такими словами, относя ихъ, впрочемъ, къ самому отсутствующему тавиву: „прости его и не дѣлай ему зла“! Больной отъ лица тавива говоритъ: «прощаю». Потомъ фавуасъ требуетъ отъ тавива клятвы въ томъ, что онъ исполнитъ свое слово. Уста больного, считающіеся въ эту минуту органомъ самаго тавива, произносятъ ее. Послѣ этого слѣдуетъ обыкновенно быстрое выздоровленіе больного. Лекарство, приготовленное фавуасомъ, какъ средство отъ извѣстной болѣзни, имѣетъ еще и другое примѣненіе. Оно носится въ стеклянкѣ на груди и считается также средствомъ,

предохраняющимъ отъ злыхъ дѣйстви тавива. Кто отправляется къ тавиву по какому-либо дѣлу, первымъ долгомъ запасается этимъ средствомъ. Предубѣжденіе относительно тавивовъ существуетъ во всѣхъ слояхъ общества: у дворянъ, холоповъ, у духовенства, у князей, у правителей и царей.

Кромѣ тавивовъ, существуютъ еще кудесники—люди, которыхъ спеціальное занятіе—волхвованіе, прорицаніе и проч.—это танкуай—пророки. Танкуай окруженъ цѣлой свитой слугъ, самъ ничего не дѣлаетъ и никуда не выходитъ изъ дому. Къ нему въ домъ приходятъ всѣ, желающіе узнать свою судьбу или исходъ какого-нибудь дѣла. Танкуай искусственно вызываетъ въ себѣ духъ прорицанія, напр., посредствомъ разныхъ куреній или спеціальной музыки, дѣйствующей гипнотизирующимъ образомъ на сознанія прорицателя. Подъ вліяніемъ этихъ средствъ танкуай впадаетъ въ экзальтированное состояніе и бормочетъ какія нибудь непонятныя слова, которыя слугами истолковываются въ извѣстномъ смыслѣ. Но есть прорицатели и не прибѣгающіе къ этимъ одурманивающимъ средствамъ и говорящіе свои прорицанія ясными и понятными выраженіями. Источникомъ ихъ прорицанія служатъ или какія-либо примѣты или выраженія лица, глазъ вопрошающаго; но большею частью прорицатели гадаютъ по звѣздамъ. Они по этому хорошо знаютъ движенія свѣтилъ небесныхъ. Среди нихъ усовершенствованы астрономическія познанія, причемъ къ этимъ познаніямъ примѣшанъ элементъ чудесности, волхвованія.

Наряду съ танкуай должны быть поставлены дабтары. Это ученые люди, получившіе высшее туземное образованіе. Они обычно занимаются перепиской книгъ. Вотъ эти-то дабтары и являются, главнымъ образомъ, эксплуататорами народнаго невѣжества. Скептики нерѣдко обращаются къ дабтарамъ съ просьбою показать имъ злыхъ духовъ. Дабтара приводитъ скептика ночью на берегъ рѣки или глубокаго озера. Тутъ они останавливаются. Въ теченіи одного или двухъ часовъ ученый кудесникъ читаетъ какую-то ему одному извѣстную книгу. Таинственная обстановка производитъ такое дѣйствіе на скептика, что тотъ начинаетъ робѣть, волноваться и нерѣдко, вообразивъ себѣ ужасныя картины, падаетъ безъ чувствъ. Любопытство не обходится и безъ несчастныхъ случаевъ. Очень не рѣдки въ Абиссиніи

слухи о томъ или другомъ человѣкѣ, умершемъ отъ страха при видѣ вызванныхъ дабтарой духовъ.

Существуетъ даже цѣлая книга гадательная—«мацгафъ—танкуай»; въ ней собраны тѣ свѣдѣнія, которыми обладаютъ разные прорицатели (танкуай), дабтары, тавивы и проч. Но эта книга не всѣмъ доступна; она вращается лишь въ средѣ самихъ носителей тѣхъ знаній, которыя въ ней заключаются, да открывается лишь предъ тѣмъ, кого захотятъ сами мудрецы посвятить въ тайны бытія... Слѣдуетъ упомянуть еще о множествѣ всевозможныхъ заговорщиковъ и заклинателей, всюду разсѣянныхъ по Абиссиніи. Ихъ дѣло заговорить отъ язвы, отъ смертельнаго укуса змѣй, пауковъ, скорпіоновъ и проч.

Но всѣхъ этихъ волхвовъ и мудрецовъ нужно отличать отъ мудрецовъ другого рода—математиковъ, называемыхъ «балагасавъ», т. е. знающіе число. Они обладаютъ недюжинными способностями ко всякаго рода вычисленіямъ, которыя дѣлаютъ въ головѣ, мысленно, безъ бумагъ и чернилъ. Способность эта развивается у нѣкоторыхъ абиссинскихъ математиковъ до того, что онъ, напр., въ минуту времени опредѣляетъ, когда будетъ пасха въ томъ или иномъ году.

Въ Абиссиніи строго придерживаются еще обычая на ежедневной молитвѣ употреблять ариѳметическія вычисленія. Каждая церковная служба начинается опредѣленіемъ того, какой въ настоящій моментъ день и часъ, какое число, мѣсяць, годъ отъ сотворенія міра и Рождества Христова, какой лунный кругъ, солнечный, золотое число, епакта и пр. Такое предисловіе читается предъ началомъ каждой службы вслухъ всего народа.

Когда кто-нибудь изъ мудрецовъ говѣетъ, духовникъ налагаетъ на него строгую эпитимію—собственно за волхование. Негусъ Іоаннъ, предшественникъ нынѣ царствующаго Менелика, былъ врагомъ всякихъ волхвованій и строго преслѣдовалъ волхвовъ. Въ его царствованіе ихъ много убито, повѣшено и бито кнутами. Но Менеликъ питаетъ симпатіи къ волхвамъ. Это можетъ быть потому, что когда онъ былъ еще простымъ княземъ, они пророчили ему царство. Теперь при Менеликѣ волхваніе свободно процвѣтаетъ въ Абиссиніи.

IV.

Абиссинцы одарены впечатлительной, поэтической натурой. Это отражается даже въ ихъ частныхъ бесѣдахъ. Рѣчь абиссинца цвѣтита, испещрена всегда таинственными образами, уподобленіями, аналогіями, подслащена остроуміемъ и вдохновлена. Рѣчь простая, безъ всякихъ украшеній, ни во что тамъ не цѣнится и не имѣетъ никакой убѣдительности. Абиссинецъ стыдится сказать простую фразу, не подкрѣпленную пословицами, афоризмами, изреченіями какихъ-нибудь знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви. Для истинъ метафизическихъ абиссинцы берутъ всегда аналогіи изъ физическаго міра и особенно изъ жизни земледѣльческой и пастушеской, но лучшимъ источникомъ аргументовъ считается, конечно, Библія.

Въ абиссинскомъ народѣ ходитъ много поэтическихъ сказаній о знаменитыхъ абиссинскихъ царяхъ, напр., объ Аврыхѣ и Уацвихѣ (близнецахъ), первыхъ христіанскихъ государяхъ Эіопіи; о Зараа-Яковѣ, Лывна-Дынгалѣ, Василидѣ, и другихъ. Всѣ они выступаютъ въ народныхъ сказаніяхъ преимущественно, какъ нравственныя личности. Есть еще сказки, большею частью изъ земледѣльческаго и пастушескаго быта, и басни, въ которыхъ героями являются животныя. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ тоже явственно проглядываетъ нравственная тенденція. Баснословныхъ сказаній о сильныхъ великанахъ, о чародѣяхъ, духахъ и проч. мало.

Къ сожалѣнію, у абиссинцевъ нѣтъ писаннаго эпоса. Всѣ произведенія прежнихъ поэтовъ и нынѣшнихъ распространяются и передаются устно. Для живого, поэтическаго творчества не закрыта даже область богослужебная. Существуетъ поэтическая школа „к'не“, питомцы которой выступаютъ съ своими произведеніями во время богослуженія и исполняютъ ихъ при общемъ участіи всего церковнаго хора. Наилучшія изъ этихъ произведеній усвояются народной памятью и хранятся въ ней.

Лицо, одаренное поэтическимъ даромъ и сочиняющее стихи свѣтскаго содержанія, называется въ Абиссиніи такъ: азмари. Онъ напоминаетъ нашего вѣщаго баяна. Обычно худошавый, задумчивый, съ впалыми глазами, азмари странствуетъ съ своей единственной подругой—скрипкой. Послѣдняя имѣетъ форму

четыре-угольнаго ящика съ ручкой и одной только струной. Азмари распѣваетъ то добровольно, то по приглашенію. На торжествахъ, свадьбахъ, именинахъ, праздничныхъ обѣдахъ и проч.,—всюду выступаетъ азмари съ своими вдохновенными пѣснями и скрипкой. У негуса тоже есть любимецъ азмари. Когда царь грустенъ и омраченъ тяжелой думой, онъ призываетъ своего азмари. Это часто бываетъ за обѣдомъ, въ присутствіи многихъ гостей. Пѣвецъ смѣло выступаетъ предъ царскія очи и не стыдится воспѣвать правду. Въ трогательной мелодіи, въ таинственныхъ образахъ и выраженіяхъ онъ одинаково рисуетъ, какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны современнаго царствованія и не рѣдко возводитъ мысли слушателей ко временамъ прошлымъ, воспѣвая славныя дѣянія предковъ.

Въ пѣсняхъ азмари можно услышать о многихъ выдающихся событіяхъ абиссинской исторіи. Особенно часто слышится въ нихъ имя покойнаго негуса Іоанна, умъ и энергія котораго нашли безпристрастную оцѣнку въ народѣ. Когда азмари особенно вдохновленъ, пѣвучія рѣчи его становятся такъ таинственными, глубокомысленными, что оказываются недоступными пониманію слушателей, которые съ усиленнымъ вниманіемъ стараются проникнуть за завѣсу образовъ и угадать тайну, скрытую за ними. Когда нужно открыть глаза негусу, напомнить ему о какой-нибудь сдѣланной имъ несправедливости или ошибкѣ, князья и правители обращаются къ азмари съ просьбой выразить все это предъ негусомъ въ таинственной пѣсни. Царь слушаетъ рѣчь азмари, чувствуетъ ея горечь; укоры поэта трогаютъ его совѣсть, и онъ беретъ за гладить свою вину. Личность азмари пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ. Его награждаютъ подарками, а любимца негуса за смѣлыя рѣчи князья и дворяне осыпаютъ богатствами.

На похоронахъ и тризнахъ выступаетъ алкачъ (плакунъ). Когда онъ говоритъ надъ гробомъ мертвеца, его рѣчи вызываютъ плачь не только у родственниковъ умершаго, а и у постороннихъ лицъ. Въ своей стихотворной рѣчи алкачъ сначала излагаетъ родословную умершаго, перечисляетъ цѣлый рядъ его предковъ и восхваляетъ ихъ славныя дѣянія, а потомъ выводитъ и заслуги покойнаго. Алкачъ тоже пользуется въ народѣ уваженіемъ, но въ отличіе отъ азмари имѣетъ свою семью, домъ и хозяйство. Почти въ каждомъ селѣ можно найти



двухъ-трекъ алкачей, между тѣмъ азмари встрѣчаются рѣже.

Какъ злоупотребленіе правами поэта является поведеніе хамина—странника. Онъ со всѣмъ своимъ семействомъ ходитъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ, восхваляя хозяевъ и выманивая подарки. Хамина получаетъ много, что даетъ ему возможность наживаться и накоплять большія богатства; тѣмъ не менѣе онъ не бросаетъ своей выгодной профессіи странствующаго поэта, передавая ее и своимъ дѣтямъ. Подойдя къ дверямъ дома, хамина съ участіемъ жены и дѣтей нахально заводитъ свой гимнъ. Будь это днемъ или ночью — для него все равно: хозяинъ долженъ встать и отмѣрить хаминѣ, что слѣдуетъ, иначе получить по своему адресу цѣлый градъ ругательствъ, и имя его будетъ злословиться всюду, куда направитъ свой странническій путь хамина. Потому и сложилась у абиссинцевъ поговорка: онъ сквернословитъ, какъ хамина. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакой защиты противъ дерзости и нахальства хамина. Судиться съ нимъ нельзя и никакой судья не въ силахъ бороться противъ того, что укоренилось уже вѣковыми обычаями страны. Остается дать хаминѣ подарокъ и за это услышать, по крайней мѣрѣ, хвалебную пѣснь своимъ добродѣтелямъ. Такъ и дѣлаютъ обыкновенно абиссинскіе обыватели, и тѣмъ избавляются отъ назойливости поэта.

#### V.

Абиссинцы очень набожны и проникнуты покаяннымъ чувствомъ. Кто почувствуетъ себя дурно, сейчасъ зоветъ своего духовника съ намѣреніемъ открыть предъ нимъ свою душу, чтобы не умереть безъ покаянія. Такъ какъ въ Абиссиніи нѣтъ обычая хранить запасныхъ св. Даровъ, то для того, чтобы причастить больного, служится нарочно литургія, — обыкновенно литургія св. Епифанія, какъ самая краткая. Такимъ образомъ, промежутокъ между исповѣдью и причастіемъ бываетъ значительный, тѣмъ болѣе, что на больного налагается еще небольшая епитимія. Для тяжело больного бываетъ „біяни“—снисхожденіе, т. е. на него вопреки церковнымъ правиламъ не налагается епитимія по его грѣхамъ. Но „біяни“ даетъ не самъ духовникъ, а какой-нибудь находящійся вблизи ученый архимандритъ, къ которому духовникъ обращается съ просьбою — разрѣшить больному причащеніе св. тайнъ. Бываетъ, что больной умираетъ, только исповѣдавшись, но не

причастившись. Въ случаѣ выздоровленія больного послѣ исповѣди, „біяни“ теряетъ свою силу и вступаютъ въ свое дѣйствіе церковныя правила, т. е. причащеніе откладывается до истеченія законнаго срока епитиміи. Духовникъ призывается еще къ умирающему въ качествѣ свидѣтеля его послѣднихъ словъ, въ которыхъ онъ намѣренъ выразить свою волю. При разлученіи души съ тѣломъ, духовникъ читаетъ отходную. Тѣло умершаго оmyвается три раза водою, облачается въ чистыя одежды и тщательно закутывается съ головою въ плащаницу и обвязывается по рукамъ и ногамъ веревками (пеленами). Въ домѣ повитое тѣло полагается на столѣ. Между тѣмъ въ ближайшія населенныя мѣста посылаются гонцы съ извѣщеніемъ о смерти. Каждый гонецъ, войдя въ село, взбирается на возвышенное мѣсто и издаетъ протяжно звукъ: у - у - у - у... Это служитъ знакомъ, что есть умершій. Народъ стекается къ гонцу, чтобы узнать, гдѣ и кто умеръ. Нужно замѣтить, что абиссинцы одной мѣстности хорошо знаютъ другъ друга по именамъ. Имя употребляется въ домашнихъ и общественныхъ отношеніяхъ не крещальное, а другое, данное самими родителями. Встрѣчаются, напр., имена: „моя радость“, „сынъ моей печали“, „какой красивый“, „счастливецъ“, „утѣшеніе скорби моей“, „помощникъ“ и т. п. Эти имена употребляются всегда и совершенно вытѣсняють крещальное имя, которое произносится только въ церковныхъ молитвахъ.

По уходѣ гонца вѣсть о смерти быстро разлетается по всему селу. Всѣ знающіе умершаго отправляются въ то мѣсто, гдѣ онъ умеръ, отдать ему послѣдній долгъ. Духовенство тѣхъ сель, куда заходилъ гонецъ, тоже обязано отправиться на погребеніе. Всѣ священники и діаконы съ большимъ выноснымъ крестомъ идутъ въ домъ покойника. Когда соберется духовенство всѣхъ приходоу, гдѣ былъ гонецъ, по числу крестовъ можно опредѣлить, сколько приходскихъ причтовъ участвуетъ въ погребеніи. Каждый крестъ имѣетъ привязанную къ нему узкую, цвѣтную ленту, которая служитъ знаменемъ. По лентѣ на крестѣ опредѣляютъ, изъ какого храма причтъ, сосредоточенный вокругъ этого креста. Всѣ кресты несутся впереди гроба и около каждаго креста идетъ отдѣльно причтъ той церкви, знаменемъ которой является крестъ. До выноса тѣла изъ дома вычитывается первая часть погребальнаго чина.

Въ пути отъ дома до церкви читаются слѣдующія четыре части, въ самомъ храмѣ—шестая часть, а при опусканіи тѣла въ могилу — седьмая, послѣдняя. Когда несутъ тѣло, возлѣ него по бокамъ идутъ родственники умершаго. Тутъ же идутъ профессиональныя плакальщицы и плакальщики, усиливающіе тоску своими завываніями и всхлипываніями. На пути между домомъ и церковью шествіе нѣсколько разъ останавливается. Въ одну изъ такихъ остановокъ предъ трупомъ выступаетъ алкачъ. Онъ начинаетъ свою рѣчь, указывая рукою на повитаго мертвеца. Исчисливъ всѣхъ предковъ по восходящей линіи и указавъ заслуги cadaго, съ точнымъ опредѣленіемъ времени и царствованій, когда случились подвиги ихъ, алкачъ говоритъ: „Этотъ сынъ столькихъ и столь великихъ людей былъ мудръ дѣломъ и искусенъ въ копьѣ. Онъ совершилъ такіе-то и такіе-то подвиги, получилъ такія-то и такіе награды отъ такихъ-то царей... Все сіе доказываетъ, какъ великъ былъ сей мужъ“. Далѣе, въ трогательныхъ словахъ ораторъ изображаетъ убійственную тоску и грусть по умершемъ. Въ это время вопли и рыданія въ толпѣ необыкновенно усиливаются. Родственники же умершаго наперерывъ стараются какъ можно явственнѣе выразить свою скорбь. Съ криками „уай-уай!“ „уйюльнь—горе мнѣ!“—они падаютъ на землю, бьются головами о камни, рвутъ на себѣ одежды и волосы, сдираютъ ногтями кожу на лбу и вискахъ. Сдираніе кожи считается общеобязательнымъ способомъ выраженія скорби по умершемъ. Раны на лицѣ, какъ нѣкотораго рода трауръ, должны на долгое время быть очевиднымъ признакомъ потери близкаго лица. Чтобы соревнованіе родственниковъ въ оплакиваніи покойника не перешло извѣстнаго предѣла, къ нимъ приставляются хранители, обязанные слѣдить за ихъ поведеніемъ; особенно зорко хранители обязаны слѣдить за женщинами.

Погребеніе въ Абиссиніи совершается вскорѣ послѣ смерти; оно откладывается до другаго дня лишь тогда, если не успѣли похоронить покойника въ день смерти до захода солнца, или если самая смерть случилась уже по заходѣ солнца. Мертвыхъ хоронятъ безъ гробовъ, обыкновенно въ склепахъ. Бѣдныхъ закапываютъ прямо въ вырытую въ землѣ яму. Склепы тщательно закрываются досками и камнями и присыпаются сверху землею. Когда нужно похоронить кого-либо въ семейномъ или родовомъ склепѣ, откидываются земля и доски, слуги входятъ

въ склепѣ, отодвигаютъ прежнія кости въ сторону, очищаютъ мѣсто и кладутъ туда новый трупъ. Бываетъ, что склепъ наполняется костями до верху.

Послѣ погребенія духовенство и родственники собираются въ домѣ покойнаго на поминальную трапезу. Кромѣ того, друзья и сосѣди поселяются въ домѣ у родныхъ умершаго на 2—3 дня для утѣшенія скорбящихъ.

Въ 3-й, 7-й, 12-й, 30-й, 40-й, полугодовой и годовой дни послѣ смерти, совершается литургія и бываетъ поминовение умершаго. Богачи заказываютъ сорокоустъ, непрерывное чтеніе на могилѣ псалтири и положенныхъ молитвъ. Это дѣлаютъ всѣ участвовавшіе при погребеніи причты по очереди въ теченіе сорока дней. Но самое главное, это— „таскаръ“, заключительное поминовение, которое случается безразлично въ какой-угодно день, иногда чрезъ два или три года послѣ смерти; словомъ, пока родные успѣютъ сдѣлать нужныя къ этому торжеству приготовленія, которыя дѣйствительно достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Одинъ таскаръ въ состояніи разорить самаго состоятельнаго богача. На таскаръ приглашаются всѣ лица, бывшія на погребеніи умершаго. Для ихъ помѣщенія строится большая куща, могущая вмѣстить, сколько предполагается народу. Наканунѣ таскара вечеромъ все духовенство собирается въ храмѣ. Здѣсь послѣ литургіи совершается поминовение умершаго, которое длится всю ночь. За это время псалтирь прочитывается нѣсколько разъ, распределенная по частямъ между клиромъ и народомъ. Бываетъ, что въ одну эту ночь соединенными усиліями всего стоящаго въ храмѣ народа псалтирь прочитывается сто разъ. На другой день всѣ собираются въ кущѣ, гдѣ имъ предлагается грандіозный обѣдъ. Таскаръ продолжается нѣсколько дней. Весь народъ, собравшійся на это торжество, питается изъ средствъ родственниковъ поминаемаго покойника. Статистикъ пришелъ бы въ ужасъ, если бы полюбопытствовалъ узнать о количествѣ затраченнаго на одинъ таскаръ провіанта. Тутъ бы онъ услышалъ такія баснословныя цифры: 400 быковъ, 100 овецъ, 6000 мѣръ хлѣба, 70 бочекъ вина, 40 кадокъ масла, 100 бочекъ меду и проч.

На таскарѣ особенно выдвигаются алкачи—риторы. Они говорятъ и говорятъ безъ умолку. Тутъ можно услышать чуть-ли не всю исторію Эіопіи.

## МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ.

Дѣвственные лѣса Абиссиніи, живописно раскинутые то въ долинахъ, то на вершинахъ и откосахъ горъ, богатые древесными плодами и дичью, обильные водою, протекающею по почвѣ въ видѣ ручьевъ или прорывающеюся изъ нѣдръ земли фонтанами ключей, — справедливо считаются одними изъ лучшихъ въ мірѣ. Въ темной гущѣ ихъ водятся во множествѣ звѣри самыхъ разнообразныхъ породъ. Тутъ бродятъ цѣлыми стадами слоны, прыгаютъ съ дерева на дерево крикливыя обезьяны, рыскаютъ, ища добычу, львы, барсы, леопарды, пантеры. На верхушкахъ деревъ порхаютъ многочисленныя породы пернатыхъ и между ними повсюду множество пѣвчихъ птицъ, самыхъ пѣвучихъ, которыя гремятъ здѣсь сотнями и тысячами голосовъ, не смолкая и въ мрачную прохладу ночи, и особенно передъ восходомъ утренней зари. И какъ бы въ диссонансъ этому дивному концерту шипятъ, ползая между деревъ громадныя змѣи: — тутъ и удавъ катится клубомъ и боа несется, какъ вихрь, высоко поднявъ свою гордую голову...

Въ этихъ самыхъ лѣсахъ, такъ богатыхъ своею природою, въ самыхъ чащахъ лѣсовъ — между деревъ пріютились абиссинскіе монастыри. Это произошло не случайно, а оттого, что первые насадители монашества въ Абиссиніи, ища уединенія, скрывались въ лѣсахъ. Тутъ съ своими учениками они основывали монастыри; и ихъ ученики и ученики учениковъ и т. д. не находили для монастырей лучшаго мѣста, чѣмъ лѣса и рощи. Сложилась даже абиссинская пословица: мемгырь (игумень) безъ бороды, что гедамъ (монастырь) безъ лѣса.

Монашество проникло въ Абиссинію вслѣдъ за христіан-

ствомъ. Въ Абиссиніи есть преданіе объ „аскемѣ“ (аскема— слово греческое: *σχημα*—одежда), она была принесена св. Антонію Архангеломъ Михайломъ и затѣмъ отъ Антонія перешла къ преемникамъ его. Въ Абиссинскихъ лѣтописяхъ разсказывается, что по приглашенію перваго епископа ея Фрументія, пришли въ Абиссинію изъ Египта девять славныхъ подвижниковъ, учениковъ св. Пахомія. Указываются и имена ихъ, именно: 1) абба Арегауѣ, 2) Панталенъ, 3) Гарима, 4) Алэфъ, 5) Сагамъ, 6) Афэ, 7) Ликаносъ, 8) Адпмати и 9) Озь или Губа. Всѣ они были родомъ греки. Перечисленные имена даны были имъ абиссинцами взамѣнъ греческихъ. Съ этими именами мужи эти воспѣваются въ абиссинскихъ церковныхъ пѣсняхъ.

Всѣ девять мужей, прійдя въ Абиссинію, основали здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно на лѣсистыхъ высотахъ горъ, свои монастыри. Отъ положенія монастырей на горахъ ихъ стали называть дебрами (дебре — гора). Первый изъ девяти мужей Авуна-Арэгауѣ поселился въ Тигре, гдѣ на одной высокой обрывистой горѣ основалъ монастырь, называемый Дебре-Дамо (гора Дамо). Это первый эіопскій монастырь. Около 630 г. одинъ изъ отдаленныхъ преемниковъ аббы Арегауѣ Тэклэ-Хайманотъ перешелъ изъ Тигре въ Шоа. Поселившись здѣсь на одной высокой горѣ, онъ основалъ знаменитый монастырь, называемый Дебре-Ливаносъ (гора Ливанская). Монастырь этотъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ Абиссиніи. Самъ Тэклэ Хайманотъ былъ организаторомъ абиссинскаго монашества и оставилъ своимъ ученикамъ писанныя правила и наставленія монашеской жизни. Онъ же первый опредѣлилъ права и значеніе игумена (аббата) монастыря и самъ назначилъ себѣ преемника, поручивъ ему надзоръ за братіей. Игумень этотъ получилъ названіе: эчаггэ или чаггэ. Съ теченіемъ времени званіе эчаггэ отдѣлилось отъ настоятеля Ливанскаго монастыря и перешло къ лицу, занявшему въ Абиссиніи положеніе помощника авуны-митрополита. Въ настоящее время настоятель Ливанскаго монастыря, какъ и у другихъ монастырей, называется просто аббатомъ или мымгыремъ (наставниковъ). Но въ титулѣ нынѣшняго чаггэ остались признаки его прежняго положенія въ качествѣ игумена Ливанскаго монастыря. Полный титулъ чаггэ слѣдующій: „чаггэ (имярекъ), сѣдящій на каѳедрѣ Тэклэ-Хайманота, сынъ и пре-

емникъ святаго евангелиста Марка и святаго Сэллама \*), свѣта эііопскаго“. На чаггѣйской печати обыкновенно стоятъ слова: „это печать чаггэ (имярекъ) первосвященника (ликакгайната)“. Отличія нынѣшняго чаггэ тѣ, что онъ всегда состоитъ на должности только при особѣ Царя царей, верховнаго, помазаннаго владыки всей Абиссиніи, выбирается самимъ царемъ, живетъ въ своемъ дворцѣ рядомъ съ негусомъ, окруженъ цѣлымъ штатомъ свѣтскихъ чиновниковъ, имѣетъ свою епархію (нагарить), свое войско, управляетъ на ряду съ митрополитомъ церковными дѣлами Эііопіи и участвуетъ въ царскомъ судѣ ликаонта.

Кромѣ древнѣйшихъ монастырей, существующихъ нѣсколько вѣковъ, въ Абиссиніи есть много монастырей новооткрытыхъ, недавно устроенныхъ. Объ умноженіи монастырей особенно ревниво заботятся абиссинскіе негусы. Покойный негусъ Іоаннъ устроилъ много монастырей на свои средства и за то славятъ его народныя пѣсни. Но помимо стараній абиссинскихъ владыкъ монастыри возникаютъ тамъ и сами собою. Нерѣдко какой-нибудь извѣстный подвижникъ привлекаетъ къ себѣ многихъ, желающихъ подвизаться подъ его руководствомъ. Тогда по просьбѣ братіи онъ ѣдетъ къ негусу, прося разрѣшенія построить монастырь. Царь даетъ свое согласіе, причемъ черезъ глашатаевъ приглашаетъ населеніе сосѣднихъ къ мѣсту открытія монастыря деревень помочь матеріаломъ и работой въ постройкѣ храма и зданій для монаховъ. Народъ съ любовью и усердіемъ беретъ на себя этотъ благочестивый трудъ: кто тащитъ бревна, кто собираетъ въ лѣсу хворостъ для крыши; свозятъ сообща камни, глину, песокъ. Способные берутся за дѣло, и быстро, благодаря усиліямъ и множеству рукъ, среди пущи лѣсной, гдѣ прежде рыскали звѣри, вырастаютъ прекрасныя зданія. Между тѣмъ призванный быть настоятелемъ сооружаемаго монастыря отправляется къ епископу—просить благословенія на игуменство и за полученіемъ сана кóмоса—архимандрита. На одной и той же литургіи онъ производится въ іеродіакона, въ іеромонаха, архимандрита и, наконецъ, получаетъ отъ епископа жезлъ правленія. На обезпеченіе монастыря самъ негусъ даритъ особый лучший участокъ среди своей царской земли. Этотъ участокъ, называе-

---

\*) Эііопское имя просвѣтителя Абиссиніи св. Фрументія.

мый гультомъ (достояніе) остается монастырю въ вѣчное владѣніе.

Въ Абиссиніи есть два типа монашества. Одинъ возводитъ свое образованіе къ св. Тэклэ-Хайманоту, основателю Шавасскаго монашества. Представителемъ этого типа является монастырь Дебре-Либаносъ. Всѣ монастыри этого типа называются такъ: „андынатъ-гедамъ“, т. е. общежительные монастыри. Другой типъ монастырей, признающихъ своимъ устройтелемъ св. Евстаѳіа (XIV в.), можно назвать скитскимъ. Этотъ типъ наиболѣе распространенъ.

Несмотря на множество монастырей, разсѣянныхъ по всей Абиссиніи, есть еще много лицъ, ведущихъ монашескую жизнь среди міра, внѣ монастырей. Они живутъ въ городахъ и селахъ, среди суеты мірской, но всякій смотря на ихъ жизнь, сразу узнаетъ, кто они. Ихъ называютъ монахами въ томъ же смыслѣ, какъ и тѣхъ, что живутъ въ монастыряхъ. При простотѣ и несложности строя жизни, господствующаго въ Абиссиніи, формальность и оффиціальныя отношенія тамъ отсутствуютъ. Безъ особенныхъ затрудненій всякій ревнитель строгой жизни, принявъ постриженіе отъ какого-нибудь старца, продолжаетъ себѣ жить на своемъ прежнемъ мѣстѣ и заниматься своимъ прежнимъ дѣломъ. Угодно ему, онъ сошьетъ себѣ монашескую одежду, а нѣтъ, то и такъ въ мірской ходи, сколько хочешь. Даже постриженіе не всѣ принимаютъ, а лишь немногіе, потому что этотъ обрядъ связанъ съ тяжкими обѣтами и клятвами. Что, если не устоишь, не исполнишь отъ начала до конца всего, обѣщаннаго Богу! Не лучше ли жить такъ, монашествовать, не давъ клятвы? — Такъ рассуждаетъ большинство. Ни чуть не страннымъ считается, если кто изъ монаха опять становится міряниномъ. Напротивъ, грѣхомъ считается быть по внѣшности монахомъ и не жить по монашески. Такого человѣка презираютъ. И монахи монастырскіе, и монахи, живущіе въ мірѣ, не всѣ принимаютъ постригъ. Это дѣло доброй воли. Выходить, что постригъ является тамъ какъ бы второю уже ступенью монашества, а архимандритство—третьею. Между монахами, постриженными и непостриженными, во внѣшнихъ отношеніяхъ разница лишь та, что къ именамъ первыхъ прибавляютъ слово абба—отець. Самый постригъ въ монастыряхъ совершается довольно торжественно. Желающаго постричься закутываютъ въ пелены, какъ мерт-



веда, и кладутъ во гробъ среди храма. Въ теченіе около двухъ часовъ надъ мнимымъ мертвецомъ монахами по очереди прочитывается вся псалтирь. Всякому мірянину открытъ свободный доступъ въ какой угодно монастырь. Избравъ по желанію ту или другую обитель, онъ идетъ къ игумену ея, чтобы выразить свое желаніе: поселиться въ его обители подъ его началомъ и ввѣрить, такъ сказать, свою жизнь его опытному руководительству. Игумень даетъ свое согласіе и благословеніе, и новоприбывшій съ этого момента становится членомъ братіи монастыря. Онъ теперь долженъ уже подчиняться уставу и порядку жизни этого монастыря.

Въ необщежительныхъ монастыряхъ, или скитскихъ, называемыхъ по абиссински просто „гедамъ“ (монастырь) въ отличіе отъ „андынатъ-гедамъ“ — названія, прилагаемаго къ монастырямъ общежительнаго типа, монахи пользуются полной свободой въ устроеніи своей частной, такъ сказать, келейной жизни. Око игумена не должно проникать за двери ихъ келій. Будучи предоставлены самимъ себѣ, такіе монахи принуждены на свои средства строить себѣ жилища и добывать пищу и одежду. Для жилищъ имъ предоставляется въ лѣсу сколько угодно мѣста; каждый новопоступившій отгораживаетъ себѣ тутъ любой клочекъ земли и трудами, и заботами своихъ друзей и родныхъ готовитъ себѣ хижину. Впрочемъ, кто строитъ хижину, а кто и хорошій двухъ-этажный домъ, — это смотря по состоянію. Нѣкоторые, жившіе въ мірѣ богато, приводятъ съ собою въ монастырь всѣхъ своихъ слугъ, которые продолжаютъ и тутъ служить своимъ господамъ. А то бываетъ, что состоятельный монахъ приглашаетъ къ себѣ на услуженіе нѣсколько бѣднѣйшихъ монаховъ, которые неспособны одни содержать себя и рады пойти на готовый хлѣбъ. Всякій состоятельный монахъ забираетъ съ собою въ монастырь все свое имущество, пригоняетъ сюда свои стада быковъ, овецъ, воловъ, лошадей, муловъ, строитъ на своемъ дворѣ около дома служебныя постройки, какъ-то: конюшни, загоны для скота, кухню, помѣщеніе для слугъ и т. п., а вокругъ всего двора возводитъ высокую ограду въ предохраненіе себя и своего имущества отъ звѣрей и воровъ. Словомъ, богачъ и въ монастырѣ продолжаетъ быть помѣщикомъ, поливая каждый день любимый абиссинскій напитокъ тѣэдъ. Это лакомство считается въ Абиссиніи признакомъ роскоши и ари-

стократизма. Вообще, нужно замѣтить, въ стѣнахъ абиссинскихъ обитателей члены братіи вполне сохраняютъ достоинство и преимущества своего мірскаго званія и рода. Тутъ во всякомъ монастырѣ рѣзко различаются: монахи-аристократы и монахи-простецы, бѣдные, приниженные холопы. Въ распоряженіе богатаго монаха предоставляется какой угодно клочекъ земли на монастырскомъ гультѣ. Шымъ-гульта — начальникъ монастырскаго гульта, — распредѣляетъ землю между членами братіи, и, конечно, богачамъ онъ удѣляетъ лучшіе и большіе участки вмѣстѣ съ руками живущихъ на этихъ клочкахъ холоповъ, между тѣмъ какъ иному бѣдному монаху не достается и одной пяди земли. Впрочемъ, такъ какъ среди монастырскаго гульта бываетъ очень много гуляющей, не отданной на вспашку земли, то бѣдняки пользуются этимъ, чтобы хотя и съ большими усиліями добыть себѣ скудное пропитаніе. Жалкій труженикъ вскапываетъ себѣ коломъ небольшой клочекъ земли и засѣваетъ его пшеницей: когда хлѣбъ поспѣетъ, онъ проситъ состоятельныхъ монаховъ смолотить ему этотъ хлѣбъ волами, а то и самъ молотитъ его цѣпомъ.

Въ основаніе раздѣла гульта между монахами обыкновенно берется число воловъ, имѣющихся въ распоряженіи каждаго. У кого одинъ волъ, тому дается половина мыхрама земли, въ расчетѣ, что онъ, войдя въ соглашеніе съ другимъ монахомъ, имѣющимъ тоже одного вола и получившимъ тоже полмыхрама, будетъ имѣть возможность въ теченіе зимы обработать весь свой участокъ. Имѣющій пару воловъ получаетъ два мыхрама и т. д. Но монахи собственно не работаютъ сами въ полѣ на своихъ участкахъ, а отдаютъ свои мыхрамы и своихъ воловъ монастырскимъ холопамъ, которые платятъ имъ за пользованіе землей и волами условленную часть вырученнаго въ жатву хлѣба. Каждый монахъ получаетъ хлѣбъ съ своего участка. Кромѣ участковъ, раздаваемыхъ въ распоряженіе монаховъ, среди монастырскаго гульта есть неприкосновенная часть земли, хлѣбъ съ которой идетъ въ пользу монастырской казны. Главное лицо, завѣдующее этою казною, есть алака — начальникъ (казначей). Въ подчиненіи ему состоитъ цѣлая толпа (особенно, если большой монастырь) низшихъ должностныхъ лицъ, завѣдующихъ разными отдѣльными ограслями монастырскаго хозяйства, на примѣръ, есть: магаве-тѣэдъ, это — распорядитель виномъ, магаве-ынъгира — распорядитель хлѣ-

бомъ и т. п. Есть также особыя лица, которымъ алака монастыря ввѣряетъ надзоръ за полевыми работами крестьянъ. Имъ приказывается слѣдить, чтобы положенная мѣра была отдана въ казну гедاما. Изъ полученнаго хлѣба алака велитъ часть оставить на храненіе въ монастырскихъ амбарахъ, а другую часть—поручить крестьянамъ для продажи на рынкѣ. Вырученное отъ продажи золото сыпается въ гедамскомъ казнохранилищѣ.

Въ самомъ центрѣ cadaго монастыря, т. е., лучше сказать, монастырскаго поселка, помѣщается большое каменное, чаще всего двухъ-этажное зданіе служащее какъ бы присутственнымъ мѣстомъ для всей монашеской общины. Въ этомъ зданіи, называемомъ бетамыгавы, т. е. общій домъ, въ одномъ изъ отдѣленій его живетъ самъ алака. Тутъ же хранится монастырская казна. Часть зданія предназначается для приѣма посѣтителей монастыря и лицъ, пріѣзжающихъ въ гости къ кому-либо изъ братіи. Всѣмъ этимъ людямъ монастырь всегда оказываетъ радушный приѣмъ. Имъ предлагаются роскошное угощеніе и уютныя келіи для отдыха. Слуги умываютъ гостямъ ноги и прислуживаютъ имъ, не получая за это платы. Впрочемъ, удобствами гостинницы пользуются собственно только богомольцы и лица, не имѣющія никого знакомыхъ въ числѣ братіи. Монахи находятъ болѣе удобнымъ принимать своихъ частныхъ гостей у себя въ келіяхъ и угощать ихъ на свой счетъ; такъ какъ отводить гостей въ общій домъ и отдавать на попеченіе содержателей гостинницы было бы, конечно, не совсѣмъ вѣжливо со стороны хозяевъ.

Въ „общемъ домѣ“ находится еще большой залъ, гдѣ происходятъ засѣданія монастырскаго совѣта, и обширная столовая, приспособленная вмѣстимостью для всѣхъ монаховъ монастыря. Въ этой столовой общая трапеза предлагается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, именно: на Рождество Христово, на Пасху, въ день храмоваго монастырскаго праздника и когда случится таскаръ — заключительное поминовеніе кого-нибудь изъ умершихъ монаховъ. Въ остальное время всѣ монахи ѣдятъ по своимъ келіямъ. Все нужное для общей монашеской трапезы и для приѣма гостей изготовляется на средства монастырскаго казны. Для приготовления кушаній и напитковъ и храненія провіанта предназначаются особыя служебныя постройки: мукомольная, кухня, скотный дворъ, ам-

бары, избы для слугъ и пр. Всѣ эти зданія расположены кругомъ „общаго дома“. А весь дворъ гостинницы со всѣхъ сторонъ огораживается крѣпкою высокою стѣною. Рядомъ со дворомъ гостинницы находится обыкновенно дворъ игумена. Домъ игумена — это тоже прекрасное большое зданіе съ обширнымъ дворомъ, службами, пристройками и пр., огороженное высокимъ заборомъ. На подобіе этихъ зданій—только въ такой или иной степени подобія—устраиваютъ свои помѣщенія монахи. Каждый имѣетъ вокругъ своего дома дворъ и огорожу. Такимъ образомъ, въ общемъ видѣ монастыря довольно странный. Въ чащѣ лѣса разбросаны на далекомъ разстояніи другъ отъ друга зданія разнообразной величины—отъ миниатюрной хижины до двухъ-этажнаго дома включительно. Около нѣкоторыхъ домиковъ ютятся маленькія служебныя постройки и вокругъ всего двора каждого монаха—внушительная ограда. Такихъ кружковъ съ домиками внутри въ иномъ монастырѣ наберется до 300.

Скажемъ нѣсколько словъ о монастырскомъ совѣтѣ. Въ составъ его входятъ старѣйшіе и наиболѣе почетные монахи, преимущественно архимандриты. Предсѣдатель совѣта самъ игумень (аббатъ). Въ рукахъ этого совѣта или синода („мыгавы“—букв. община, соборъ) сосредоточивается высшее управленіе монастыря. Его власть преимущественно судебная. Когда монахи затѣютъ между собою тяжбу, обращаются въ совѣтъ общины. Впрочемъ, въ этомъ совѣтѣ рѣшаются тяжбы дѣла не только монаховъ, а и монастырскихъ холоповъ, т. е. крестьянъ, живущихъ на монастырской землѣ. Засѣданія совѣта происходятъ раза два-три въ недѣлю. Утромъ въ день засѣданія всѣ члены собираются въ залъ „общаго дома“. У передней стѣны на креслѣ садится игумень, а противъ него въ два ряда на полу разсаживаются архимандриты и старцы. Въ залъ приводятся поочереди всѣ лица, имѣющія дѣло къ совѣту, въ сопровожденіи своихъ посредниковъ (данья) и конвойныхъ (курання). Члены совѣта, молча, выслушиваютъ содержаніе дѣлъ каждого просителя и жалобщика. Причемъ тутъ же въ присутствіи совѣта допрашиваются и свидѣтели. Когда данья кончитъ изложеніе дѣла, немедленно поднимается младшій изъ членовъ совѣта и, поклонившись игумену, сообщаетъ вслухъ свое мнѣніе; потомъ подымается второй и тоже говоритъ свое мнѣніе, затѣмъ третій и т. д., по старшинству.

Игумень же молча выслушиваетъ всѣхъ. Если мнѣнія распадаются только на двѣ категоріи, то перевѣшиваетъ то, съ которымъ большинство; но при разнообразіи мнѣній рѣшающей голосъ въ пользу того или другого изъ высказанныхъ мнѣній принадлежитъ игумену. Члены монастырскаго совѣта въ своихъ рѣшеніяхъ не руководствуются какими-либо писанными законами. Все зависитъ отъ мудрости и опытности судей. Обычное наказаніе для монаховъ, какъ и для мірянъ, „каса“ —удовлетвореніе деньгами или имуществомъ; но иногда налагаются на виновныхъ и дисциплинарныя взысканія: укоръ, выговоръ, какое-нибудь тяжкое послушаніе, —самымъ тяжкимъ считается мукомольная работа, такъ какъ она сильно утомляетъ: приходится двигать рукою большой жерновъ. Крайнею мѣрою считается изгнаніе изъ монастыря. Такъ поступаютъ обыкновенно съ блудникомъ. Лица, недовольныя рѣшеніемъ монастырскаго совѣта, могутъ обращаться съ апелляціей къ чаггэ или негусу. Абиссинскіе монастыри собственно не зависятъ отъ епархіальныхъ начальниковъ (ликакгайнатовъ). Послѣднихъ хотя и принимаютъ въ монастыряхъ съ почетомъ, но это дѣлаютъ изъ уваженія къ сану, а не по долгу зависимости. Ликакгайнатъ, совершающій ежегодную ревизію своей епархіи, не заглядываетъ въ монастыри: это не его дѣло.

Алака монастырскаго гульты отличается отъ алаки гульты соборнаго тѣмъ, что, состоя, по обыкновенію, начальникомъ монастырскаго хора, стоитъ, однако, ниже аббата (игумень), являющагося высшимъ начальникомъ монастыря и равнаго по власти ликакгайнату. Алакъ принадлежитъ инспекторская административная власть, аббату—высшее духовное руководство надъ братією и населеніемъ гульты, попеченіе о нуждахъ подчиненныхъ ему духовныхъ дѣтей и представительство предъ императоромъ.

Игумень каждого абиссинскаго монастыря избирается голосомъ всей братіи. Это происходитъ довольно торжественно. По истеченіи сорокадневнаго траура по умершемъ игуменѣ, всѣ монахи монастыря собираются въ залъ совѣта, а чаще всего прямо въ лѣсу подъ ароматнымъ сводомъ свѣжей листвы. Руководятъ собраніемъ старѣйшіе члены общины. Обыкновенно заранѣе уже намѣчается кандидатъ на игуменство, тогда требуется лишь согласіе на это братіи. Но если, какъ это часто бываетъ, такихъ кандидатовъ выставляется два или

болѣе, тогда прибѣгаютъ къ жребію. Берутъ нѣсколь-  
ко одинаковыхъ палочекъ, по числу кандидатовъ, и на  
каждой вырѣзываютъ значки, по которымъ условливаются, ка-  
кая палочка кому изъ кандидатовъ принадлежитъ. Послѣ  
продолжительной общей молитвы, палочки вручаются ребенку,  
приведенному на этотъ случай въ монастырь изъ ближайшаго  
села. Дитя, зажмуря глаза, перевертываетъ палочки въ ру-  
кахъ; потомъ вытаскиваетъ одну, смотритъ условный знакъ,  
вырѣзанный на ней, и, поднявъ палочку вверхъ, выкрики-  
ваетъ имя. Мгновенно вся братія окружаетъ избранника и  
падаетъ предъ нимъ на колѣни. Обычное явленіе, что избран-  
никъ заявляетъ полное свое отреченіе отъ выпавшаго жребія.  
Требуются долгія и усиленные мольбы и слезы братіи, чтобы  
его склонить. Но если это и удастся, то никто еще не ру-  
чается, что не устоявшій противъ просьбъ братіи избран-  
никъ въ ту же ночь не убѣжитъ совсѣмъ изъ монастыря.

Новоизбранный игумень всегда ѣдетъ представляться епи-  
скопу и получить отъ него благословеніе. Этотъ обычай со-  
блюдается строго. Такъ какъ званіе игумена въ Абиссиніи  
нераздѣльно съ званіемъ архимандрита, то всякій, вновь из-  
бранный на игументство, долженъ обязательно получить про-  
изводство въ архимандриты; чаще же всего бываетъ, что из-  
бранникъ уже раньше имѣлъ этотъ санъ. Новоизбранный игу-  
мень монастыря, построеннаго негусомъ, обязанъ предста-  
вляться и негусу.

Въ Абиссиніи визиты подчиненныхъ къ начальникамъ обя-  
зательно соединяются съ подношеніемъ подарковъ. И игумень,  
отправляясь къ епископу или негусу, везетъ съ собою бочки  
съ медомъ, виномъ, масломъ, шерсть, мѣха и проч. На по-  
дарки подобнаго рода собственно и изводятся богатства мо-  
настырской казны. На приѣмѣ у епископа никакихъ справокъ  
о подлинности лица, назвавшего себя игуменомъ, не бываетъ.  
Мы готовы думать, что, какъ у насъ, такъ и вездѣ, какое  
оффиціальное дѣло не обходится безъ документовъ, завѣри-  
тельныхъ грамотъ, свидѣтельствъ и т. п. Въ нашей головѣ  
не укладывается пониманіе такой формы отношеній, гдѣ все  
основано на взаимномъ довѣріи. А такая именно форма су-  
ществуетъ въ Абиссиніи. Тамъ же господствуетъ еще и та-  
кой странный порядокъ. Кому хочется быть архимандритомъ,  
тотъ ѣдетъ къ архіерею и, по просьбѣ, получаетъ этотъ санъ

совершенно безпрепятственно! Почему это? По тому, что на языкѣ абиссинцевъ искать высшаго священнаго званія не значитъ искать чести и славы и вообще пищи своему честолюбію, а, напротивъ, значитъ желать новыхъ священныхъ узъ и увеличенія своихъ подвиговъ. Полученіе высшаго званія связано тамъ съ даваніемъ тяжелыхъ обѣтовъ и произнесеніемъ страшныхъ клятвъ. Кто рѣшится въ такомъ случаѣ на повышеніе? Конечно, тотъ, для кого служить Богу, лишивъ себя всего, единственная цѣль жизни. Дѣйствительно, абиссинскіе аскеты — это люди, жаждущіе духовныхъ подвиговъ, преданные своему призванію, а никакъ не искатели суетной славы. Далѣе. Въ Абиссиніи большую силу имѣетъ общественное мнѣніе. Оно преслѣдуетъ всякаго, кто не чистъ въ глазахъ совѣсти людской. Принятіе архимандритства чело-вѣкомъ, недостойнымъ сего званія по жизни, было бы лишь поводомъ къ разнымъ насмѣшкамъ и презрѣнію со стороны всякаго по адресу недостойнаго восхитителя сана. Въ виду этого едва-ли кто посягнетъ на честь, ему непринадлежащую. Въ Абиссиніи народъ чтитъ не санъ самъ по себѣ, а строгость жизни; и вотъ всякій, рѣшившійся на повышеніе, чтится какъ подвижникъ высшаго сорта, а не какъ сановникъ.

У насъ нѣтъ монашескаго званія, высшаго, чѣмъ архимандритство, а въ Абиссиніи есть, по названію „курсьна“. Это совершеннѣйшій чинъ, считающійся вполнѣ равнымъ ангельскому. Очень немногіе рѣшаются подъять на свои рамена это сего званія. За то тѣ, кому удалось привести себя къ этой рѣшимости, принуждены бывають скрываться въ горахъ и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земли, чтобы уйти отъ преслѣдованій народа, жаждущаго не то, что обнять ноги подвижника, а хотя бы узрѣть его лицо, отдохнуть очами на его кроткомъ образѣ.

Подобно скитскимъ монастырямъ, и всѣ общежительные имѣють и игуменовъ, и лицъ, завѣдующихъ казною, и цѣлый штатъ монастырскихъ чиновниковъ. Только внѣшняя форма жизни монаховъ здѣсь иная. Жилища монаховъ однообразны. Различія между монахами изъ аристократовъ и простецами незамѣтно. Всѣ одинаково пользуются благами монастырскаго имущества. Культъ общежительнаго монастыря всецѣло отдается на обработку монастырскимъ холопамъ, и весь вырученный хлѣбъ поступаетъ въ распоряженіе монастырской

казны. На каждого монаха налагается игуменомъ особое послушаніе. Всякій обязанъ употреблять свой трудъ только для монастыря, а не для себя лично. Одинъ дѣлаетъ муку, другой собираетъ дрова, третій печетъ хлѣбы, четвертый шьетъ одежды, пятый моетъ бѣлье и т. д. Только слесарное мастерство не входитъ въ кругъ монастырскихъ работъ, такъ какъ оно считается для всякаго абиссинца постыднымъ и составляетъ занятіе особаго сословія тавивовъ... Съ ранняго утра всѣ монахи выходятъ на свои работы. Инструменты и матеріалъ выдаются монахамъ только на время работъ, и по окончаніи ихъ должны быть обратно возвращены тому, кто ихъ выдаетъ. Строгость доходитъ до того, что не позволено оставить у себя даже иголку. Всѣ монахи общежительнаго монастыря ѣдятъ въ общей трапезѣ. Тутъ соблюдается строгая тишина; каждый долженъ ѣсть молча. Даже прислуживающіе у стола говорятъ шопотомъ.

При каждомъ монастырѣ долженъ быть храмъ. На нужды и благоустройство его идетъ часть монастырской казны. Славу каждого абиссинскаго монастыря составляетъ церковный хоръ, такъ какъ абиссинцы очень любятъ пѣніе. Для процвѣтанія этого искусства, имѣющаго широкое примѣненіе въ церковныхъ службахъ, употребляются всѣ лучшія силы монастырей. Каждый монастырь силится превзойти своимъ хоромъ всѣ хоры прочихъ монастырей. Соревнованіе въ этомъ отношеніи доходитъ до необыкновенныхъ размѣровъ. Отсюда понятно, почему въ Абиссиніи принято по достоинству хора судить о значеніи и достоинствѣ самого монастыря. Такъ и бываетъ: чѣмъ лучше и многочислѣе монастырь, тѣмъ лучше и многочислѣе у него и хоръ.

Причтъ монастырскаго храма (іеромонахи и іеродіаконы) образовывается изъ способныхъ къ священнослуженію членовъ братіи, способныхъ въ смыслѣ умѣнія читать и пѣть и обладанія голосомъ. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ хоръ за свои успѣхи увѣнчивается лаврами народныхъ симпатій, выражаемыхъ нерѣдко въ самомъ храмѣ вслухъ, чередные священнослужители у народа на плохомъ счету. Въ числѣ братіи найдется не мало лицъ, имѣющихъ священныи санъ. Таковы прежде всего—алака, всѣ архимандриты и самъ игуменъ. Но, нужно замѣтить, священная степень у этихъ лицъ существуетъ лишь какъ достоинство, а не какъ служебное



положеніе. Они не участвуютъ въ чредѣ священнослуженія, избѣгая его всѣми силами, такъ какъ служащій часто литургію, какъ извѣстно, считается въ глазахъ абиссинцевъ чело-вѣкомъ не высокаго образа мыслей. Истинно благочестивый чело-вѣкъ, думаетъ абиссинскій народъ, не рѣшится часто приступить къ совершенію великаго таинства. Отсюда имѣю-щая порицательный характеръ кличка, данная участвующимъ въ чредѣ священнослужителямъ: „самонаня“ — недѣльствующій, или недѣльникъ, т. е. служащій всю недѣлю. Духовныя лица, занимающія высокое положеніе въ абиссинской церкви, имѣя священныя степени, почти никогда не служатъ литургіи и вообще не участвуютъ въ священнослуженіи. Они имѣютъ священный санъ и въ то же время, какъ будто, и не имѣютъ его, т. е. за ними остается одно лишь достоинство священнаго званія, кромѣ всего прочаго. Даже названія священникъ, іеромонахъ, діаконовъ никогда не прилагаются къ именамъ и титуламъ духовныхъ лицъ высокаго званія, имѣющихъ эти степени. Священниками, діаконами называютъ только лицъ стоящихъ у чреды служенія.

Не во всѣхъ монастыряхъ богослуженіе совершается каждо-дневно. Что касается монаховъ, не участвующихъ въ цер-ковномъ хорѣ, то они ходятъ на богослуженіе только по воскресеньямъ и праздникамъ, хотя и это считается для нихъ необязательнымъ. Всякій монахъ можетъ предаваться молит-венному подвигу у себя въ кельѣ. Къ особенностямъ мона-стырской службы относится ея продолжительность, зависящая отъ растянутости пѣнія и отъ нѣкоторыхъ вставокъ, не бы-ваемыхъ въ службахъ приходскихъ храмовъ. Такъ, напри-мѣръ, на саасатѣ (служба часовъ) въ монастыряхъ, кромѣ чтеній изъ книгъ „Чудеса Іисуса“ и „Чудеса Маріи“, бываетъ еще чтеніе житія дневного святаго и пѣніе ему хвалебныхъ гимновъ, называемыхъ „Мелькаа“.

Абиссинскіе монастыри большею частью являются цен-трами не только религіозно-нравственной жизни народа, а и духовнаго просвѣщенія. Большинство абиссинскихъ школъ ютятся при монастыряхъ, такъ какъ въ числѣ монаховъ часто попадаются мемгыры, люди образованные начитанные, жаж-дующіе сообщать свои знанія всякому, нуждающемуся въ просвѣщеніи. Къ нимъ стекаются ученики изъ окрестныхъ мѣстъ. Въ монастырѣ, гдѣ есть мемгыръ (учитель), образуется

форменная школа. На счетъ монастыря устраивается училищное зданіе—этамарибетъ, въ которомъ происходятъ занятія въ періодъ дождей, такъ какъ въ благопріятную погоду преподаваніе обыкновенно ведется на открытомъ воздухѣ. О пищѣ и одеждѣ заботятся для себя уже сами ученики. Вокругъ этамарибета они воздвигаютъ свои небольшія хижинки, въ которыхъ живутъ по два по три человѣка; тутъ они спятъ и готовятъ себѣ пищу. Нѣкоторые монастыри имѣютъ у себя школы всѣхъ наименованій, какъ-то: нъвавъ (грамоты), мацгафъ (Св. Писанія), ликаонта (св. отцовъ), дуга (пѣнія), к'не (стихотворства) и кыдасси (литургическую). Встрѣчаются мемгыры, обладающіе знаніемъ курсовъ всѣхъ школъ. Это люди, владѣющіе чудовищною памятью, такъ какъ способны выслушивать одновременно отвѣты четырехъ-пяти человѣкъ по разнымъ отраслямъ знанія, не пропуская мимо ушей ни одной ошибки.

Какой-либо одинъ общій монашескій уставъ неизвѣстенъ абиссинскимъ монахамъ. Въ скитскихъ монастыряхъ каждый устраиваетъ свою частную жизнь по своему идеалу, а въ общежительныхъ—монахи подчиняются уставу и порядкамъ того монастыря, въ которомъ живутъ. Вообще же абиссинцы не терпятъ узкихъ рамокъ, которыми опредѣлялась бы ихъ жизнь. Ихъ живой, подвижной духъ ищетъ простора для свободнаго подвига, проистекающаго отъ сердца, отъ внутренняго настроенія. Они идутъ въ монастыри не съ тѣмъ, чтобы всецѣло отдать себя и всю свою жизнь до мельчайшихъ подробностей во власть какихъ-либо правилъ и предписаній, а лишь потому, что вѣрують, что на монастыряхъ почиваетъ особое благословеніе Божіе, также потому, что знаютъ, что въ міру тяжело спастись, и, наконецъ, потому, что не рѣшаются обречь себя на одинокій, уединенный подвигъ, вдали отъ людей. Но есть и такіе.

---

## ВАЖНѢЙШІЕ МОНАСТЫРИ.

(Изъ разсказовъ туземца.)

Самый древній монастырь Эѳіопіи Дебре-Дамо, основанный аббою Арегауемъ, находится въ царствѣ Тигре, въ провинціи Адуа. Образъ жизни монаховъ этого монастыря заимствованъ изъ египетской Нитрійской пустыни. Монастырь расположенъ на высокой столовидной скалѣ, неприступной, какъ крѣпость. Взобраться на нее возможно только при посредствѣ веревки, которую спускаютъ въ необходимыхъ случаяхъ съ вершины скалы. Веревкой поднимаютъ на гору людей, животныхъ и всякій грузъ. Скала Дамо служитъ еще мѣстомъ ссылки тяжкихъ преступниковъ благороднаго званія, которыхъ содержать тамъ безъ особыхъ стѣсненій, такъ какъ уйти со скалы не представляется возможнымъ. Природа скалы Дамо считается одной изъ лучшихъ въ странѣ. На плоской равнинѣ по верхушкѣ скалы раскинуты рощи оливокъ, яблонь, апельсинъ, лимоновъ. Въ чащѣ деревъ, въ прохладѣ ютятся монашескія хижинки, а въ самомъ центрѣ блеститъ золотымъ крестомъ соборъ. Не смотря на большую высоту, на поверхности скалы есть много колодцевъ, большею частью представляющихъ изъ себя крутыя разсѣлины, на днѣ которыхъ находится холодная вода, есть также множество ключей и источниковъ. Каждую ночь въ дебре-дамскомъ саду раздаются вопли молящихся анахоретовъ, и въ тоже время слышится грохотъ цѣпей у гуляющихъ преступниковъ. Съ каждымъ преступникомъ закованъ въ цѣпи благородный юноша, обязанный веселить и раз-

влекать сановнаго злодѣя. Среди ссыльныхъ попадаются закованные въ золотыя цѣпи, отличающія родственниковъ императора или вообще лицъ царской крови. Такимъ преступникамъ доставляются на скалѣ всѣ удобства и всѣ присущія ихъ сану почести. Каждога окружаетъ толпа вѣрныхъ слугъ, ушедшихъ за своимъ господиномъ въ ссылку.

Абиссинскій народъ считаетъ Арегауя еще живымъ и думаетъ, что онъ живетъ внутри скалы, въ одной изъ темныхъ бездонныхъ расщелинъ, и что входъ туда оберегаетъ громадной величины змѣй, устрашающій всякаго, кто задумалъ бы проникнуть въ келью Арегауя. Чернѣющее жерло пропасти служить предметомъ почитанія всѣхъ благочестивыхъ туземцевъ. Въ день памяти Арегауя, вокругъ входа въ расщелину собираются толпы богомольцевъ и священники; послѣдніе, при участіи хора, прославляютъ подвижника, какъ живого, относя свои хвалебныя восклицанія въ глубину пропасти, въ мѣсто, гдѣ стоитъ будто бы въ молитвенномъ положеніи Арегауй. Народъ убѣжденъ, что онъ молится тамъ за всю Абиссинію, и благодаря его молитвамъ страну Эііоповъ никому не осилить.

Другой старинный монастырь Абиссиніи, возникшій не много позднѣе Дебре Дамо и основанный ученикомъ Аввы Арегауя Текле Хайманотомъ, находится въ государствѣ Шоа, на высокой горѣ, называемой „дебре Либаносъ“—гора Ливанская. Восхожденіе на гору совершается спиралью, отчего путь необыкновенно удлиняется: начиная отъ подошвы до вершины путь совершается въ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub>—2 дня. Вся Эііопія высоко чтитъ аббу Текле Хайманота; ко дню его памяти (24 октября) несмѣтныя толпы богомольцевъ, стекающіяся со всѣхъ царствъ обширной имперіи, восходятъ на гору Ливанскую. Весь народъ располагается на площади, раскинутой предъ соборомъ авуны Текле Хайманота. Одновременно съ церковнымъ торжествомъ, съ 24 октября на площади открывается оживленный рынокъ; въ теченіе двухъ недѣль—до окончанія праздника здѣсь продаются молитвенники, псалтири, евангелія, четки, пергаментъ (бронна), матеріи для монашескихъ одеждъ, какъ-то: жесткій шерстяной макъ (сукно), кожи (дабба), звѣриныя шкуры (доволо); продаются и готовые монашескія одѣянія: власяницы, хитоны изъ крашеной телячьей кожи, борнусы (накидки въ родѣ фелони), пояса, ковы (камилавки)

и проч. Богомольцы содержатся на Ливанской горѣ въ теченіе двухъ недѣль бесплатно, питаюсь отъ щедротъ благотворителей. Богатые христіане ежедневно устраиваютъ для народа обѣды и ужины, закалая тучныхъ тельцовъ и овецъ, выкатывая на площадь бочки съ медомъ и пивомъ, раздавая всѣмъ хлѣбы, вкусно выпеченные изъ тефа или дагусы.

Подъ 24-е октября въ соборѣ Ливанскаго монастыря, въ 6 часовъ вечера начинается благовѣсть, созывающій народъ на торжественную вечернюю службу—„озима селляси“. Вся служба состоитъ изъ импровизированныхъ гимновъ (к'не), сочиненныхъ къ празднику дабтарами соборнаго хора. Къ 24 октября дабтары особенно усердствуютъ и ихъ к'не выходитъ тогда на славу. Народъ послѣ исполненія каждаго гимна приходитъ въ такое возбужденіе, что, не смотря на святость мѣста, громко аплодируетъ, стуча посохами и произнося вполголоса: ивѣджъ! ивѣджъ! (браво).

Въ одномъ старинномъ гимнѣ авва Текле Хайманотъ восхваляется въ такихъ выраженіяхъ:

Привѣтствую рождество твое, ибо  
Безплодна была мать твоя Леба, но  
Предзнаменованіе о тебѣ отъ Ангела пріяла.

\* \* \*

Текле Хайманотъ! подобенъ ты солнцу,  
Которое управляетъ временами.  
Напомнила землю слава твоя отъ края до края  
И сіяніе твое небеса облистало.

\* \* \*

Дебре Ливанскій монастырь имѣлъ важное значеніе въ церковной исторіи Эѳіопіи. Онъ былъ всегда разсадникомъ просвѣщенія и давалъ направленіе мысли туземнымъ богословамъ. Въ теченіе вѣковъ въ его стѣнахъ развивалась и крѣпла богословская наука. Образъ мысли дебре-либаносцевъ былъ однако камнемъ преткновенія для многихъ и вызывалъ горячіе споры между эѳіопскими учеными, идущіе на всемъ протяженіи вѣковъ отъ IX до XIX.

Третье мѣсто въ счетѣ монастырей отводится туземцами монастырю св. Лалибелы, въ области Ласта. Изъ лѣтописей Абиссиніи мы узнаемъ, что св. Лалибела (жилъ въ XII вѣкѣ)

былъ абиссинскимъ императоромъ и происходилъ изъ племени евреевъ фалашанъ, населяющихъ провинцію Саменъ. Владычество фалашанъ, незаконныхъ восхитителей эѳіопскаго престола, длилось отъ VIII до XIII в. Въ теченіе этого времени абиссинскія лѣтописи не называютъ царей даже по имени, — словомъ отдѣляются упорнымъ молчаніемъ, но дѣлаютъ исключеніе въ пользу одного Лалибелы, пользовавшагося въ народѣ симпатіями за свое благочестіе и гуманные поступки. Онъ далъ убѣжище христіанамъ, бѣжавшимъ изъ Египта отъ преслѣдованій мусульманъ, показалъ себя ревностнымъ въ сооруженіи храмовъ, употребивъ на работы искусныхъ каменщиковъ, оказавшихся въ числѣ египетскихъ бѣглецовъ. Замѣчательнъ сооруженный имъ храмъ, сохранившійся доселѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь монастырь св. Лалибелы. Храмъ имѣетъ видъ пещеры, высѣченной въ нѣдрахъ гіацинтовой горы; въ пещеру ведетъ узкая галлерей, начинающаяся у подошвы и ведущая въ мрачную глубь. Паломники, останавливаясь недалеко отъ входа, любуются изображеніями, украшающими поверхность площади, раскинутой у подошвы горы: по каменистой почвѣ площади, прямо подъ открытымъ небомъ, высѣчены на вѣчныя времена изображенія рая и ада, — райскихъ блаженствъ и адскихъ мученій. Площадь легла нѣсколько наклонно отъ горы и зрителю изображенія видны очень ясно. Направо находится картина рая, налѣво — ада. Посрединѣ между обѣими картинами идетъ узкая тропа, возводящая путника ко входу въ галлерей. Надъ самымъ входомъ — вверху и по сторонамъ его тоже высѣчены прямо на гіацинтѣ разныя священныя изображенія. Галлерей приводитъ въ мрачный храмъ, освѣщенный нѣсколькими лампадами. Тамъ сбоку въ нишѣ покоятся открытыми мощи св. Лалибелы. Надъ нишей надпись: „кто былъ въ храмѣ Лалибелы, тому Богъ даетъ завѣтъ спасенія“.

Къ покровительству Лалибелы обращаются всѣ, впавшіе въ болѣзнь, постигнутые несчастьемъ, горемъ. Такія лица даютъ обѣтъ, по миновеніи бѣдствія, совершить паломничество въ монастырь Лалибелы и принести для святого подарка. Въ мрачномъ пещерномъ храмѣ ежедневно можно видѣть массы богомольцевъ, большинство которыхъ приходитъ сюда по обѣту, доставляя въ даръ святому (т. е. монастырю) муловъ, овецъ, коровъ, быковъ, козъ. Иные приносятъ ткани для священныхъ

облаченій и покровы на гробъ святого, еиміамъ (ытганъ), воскъ (сэмъ) для свѣчей, пшеницу для евхаристіи, деревянное масло и проч.

Въ царствѣ Шоа, въ провинціи Зукала стоитъ монастырь Авуны Гавре Манфысь Кдуса (имя основателя: отецъ нашъ рабъ Духа Святаго). Это очень многочисленный монастырь, являющийся притомъ предметомъ гордости всѣхъ абиссинскихъ христіанъ. Удивительно то, что дикіе кровожадные язычники, окружающіе Зукалу (галласы, шингалласы) чтутъ Гавре Манфысь Кдуса за великаго чудотворца, называя его „аббо“, и боятся чѣмъ бы то ни было оскорбить его обитель. Они даже считаютъ этого святого своимъ покровителемъ и обращаются къ нему съ молитвами при началѣ каждаго своего, обычно, гнуснаго и звѣрскаго предпріятія. Напримѣръ, шайка галласовъ, идущая охотиться на христіанъ, непременно, приблизясь къ оградѣ монастыря, усердно молится здѣсь объ успѣхѣ и даетъ обѣтъ принести угоднику подарки. Кому изъ дикарей удалось много награть и многихъ убить, тотъ приписываетъ такой успѣхъ покровительству Гавре Манфысь Кдуса и обязательно не забудетъ воротиться къ монастырю, чтобы поблагодарить угодника: дикарь перебрасываетъ черезъ ограду внутрь монастыря овцу или теленка; а то какую-нибудь цѣнную вещь, напримѣръ слитокъ золота, клыкъ слона, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Уваженіе дикарей къ авунѣ Гавре Манфысь Кдусу простирается до того, что они не трогаютъ и не обижаютъ никого изъ закульцевъ (жителей Зукалы, гдѣ стоитъ монастырь). Убить зукальца дикарь считаетъ тяжкимъ грѣхомъ и слѣдитъ, чтобы не сдѣлать промаха. Встрѣтись съ христіаниномъ, онъ закидываетъ его вопросами: „откуда ты? куда идешь? какъ тебя зовутъ?“ Нѣсколько словъ, сказанныхъ встрѣченнымъ, даютъ дикарю знать, зукалецъ тотъ или нѣтъ (узнаютъ по выговору или акценту). Зукальцу онъ не только не дѣлаетъ зла и обиды, но ради „аббо“ надѣляетъ его подарками, угощаетъ, если есть чѣмъ, и отпускаетъ съ честью, напутствуя благожеланіями, между тѣмъ какъ всякому другому христіанину (не изъ Зукалы) не долго думая, снимаетъ голову, чтобы присоединить новый черепъ къ семейнымъ трофеямъ!

Упомянемъ еще о монастыряхъ: Сіонскомъ, Уальдыбба и аббы Саламы.

„Ціонъ“, стоящій въ Аксумѣ, хранитъ въ своихъ стѣнахъ національную абиссинскую святыню—Ковчегъ Моисея или— по болѣе употребительному теперь названію—Ковчегъ Божіей Матери (Таоте Марьямъ). Вліянію этой святыни абиссинцы, между прочимъ, приписываютъ свое благополучіе и то, что страна Эііоповъ, несмотря на усилія враговъ, сохраняетъ свою независимость по сіе время. И Сіонскій монастырь въ виду этого пользуется въ странѣ самыми лучшими привиллегіями и привлекаетъ къ себѣ болѣе всего богомольцевъ, жаждущихъ узрѣть хотя бы старинную кровлю храма, гдѣ стоитъ Ковчегъ, такъ какъ приблизиться къ храму, окруженному притомъ высокой стѣной, никто не можетъ. На сіонскій праздникъ (бааль Ціонъ), повторяемый ежегодно, въ Аксумѣ собирается такое множество паломниковъ, что весь городъ переполняется людьми. Въ домахъ городскихъ жителей размѣщаются всѣ пріѣзжіе аристократы (по 20—25 человекъ въ домѣ), а люди простого званія проводятъ дни и ночи подъ открытымъ небомъ, заполняя собою всѣ улицы и площади города. Иные, впрочемъ, строятъ себѣ временныя палатки. Весь этотъ людъ питается въ теченіе празднествъ приношеніями благотворителей. Весь народъ безъ различія пола, возраста, званія и состоянія—питается отъ одной общей трапезы. Никто не голодаетъ; всѣ бываютъ сыты и довольны.

Въ Абиссиніи нѣтъ монастыря или собора болѣе богатаго, чѣмъ Аксумскій „Ціонъ“. Онъ имѣетъ обширныя владѣнія, разрозненно помѣщающіяся то тамъ, то здѣсь—на всемъ протяженіи Абиссинской имперіи. Ни одинъ епископъ, ни чаггэ, ни расъ, ни лика, ни одинъ сановникъ и ни одно учрежденіе, ни одинъ владыка, кромѣ развѣ императора, не имѣетъ такъ много земли и такихъ богатствъ, какія есть у Ціона. Все его достояніе дробится на множество мелкихъ помѣстій (гультовъ), управляемыхъ намѣстниками главнаго владыки въ Ціонѣ, носящаго титулъ „нэвридъ“. Много соборовъ и монастырей находится въ вассальной зависимости отъ нэврида. Пользуясь его землей, они имѣютъ подчиненными себѣ еще низшіе приходы сель и городовъ. Титулъ нэврида выше всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ титуловъ, за исключеніемъ титула чаггэ. Одежда нэврида блещетъ роскошью и великолѣпіемъ, но сдѣлана по образцу священническихъ одеждъ, такъ какъ нэвридъ—духовное лицо, „абба“. Онъ, впрочемъ, носитъ на головѣ уборъ, при-



сущій только императору и заслуженнымъ лицамъ императорской фамиліи, — и называемый „расъ оркъ“ — золотая глава, — это шапка, сдѣланная изъ золотистой львиной гривы, вставленной въ золотой околышъ. Когда шапка лежитъ на головѣ, — полоса золота обрамляетъ лобъ, а изъ нея густыми снопами торчатъ грива, исходящая на подобіе лучей. Значеніе шапки такое: грива льва свидѣтельствуеетъ о могуществѣ, золото — о богатствѣ, лучи приравниваютъ нэврида къ солнцу, все согрѣвающему и оживотворяющему.

Уальдыбба — такъ называется большая монастырская область на сѣверной окраинѣ Эіопіи, вмѣщающая въ себѣ до 40 отдѣльныхъ монастырей. Изъ нихъ главныхъ три: 1) Соккаръ, 2) Уаша и 3) Дальшега. Громадный лѣсъ, въ которомъ укрылись уальдыббаскіе монастыри, занимаютъ пространство въ длину въ 1<sup>1/2</sup> сутокъ пути. Лѣсъ идетъ параллельно берегу рѣки Такаде и упирается на сѣверѣ въ область номадовъ. Въ монастырскомъ лѣсу постоянно бродятъ шайки этихъ дикарей, — ищутъ добычи. Они часто нападаютъ на монастыри, грабятъ казну и убиваютъ монаховъ, а нѣкоторыхъ уводятъ въ плѣнъ и дѣлаютъ пастухами своихъ стадъ. Нѣтъ возможности бѣднымъ отшельникамъ защитить себя отъ кровожадности дикихъ сосѣдей, приходится мириться съ судьбою. Къ указанному бѣдствію для монаховъ слѣдуетъ присоединить еще другое — убійственныя смертоносныя лихорадки. Особенность уальдыббаскаго климата та, что онъ вреденъ безъ исключенія для всякаго, кто въ первый разъ поселяется въ немъ. Но вредоносное дѣйствіе его продолжается недолго — всего двѣ недѣли, послѣ которыхъ наступаетъ кризисъ: больной — или умираетъ, или выздоравливаетъ, чтобы не заболѣвать больше. Въ виду указанныхъ бѣдъ, связанныхъ съ жизнью въ Уальдыбба, поступленіе въ ея монастырь считается наивысшимъ подвигомъ. Поступающій рискуетъ жизнью во 1-хъ) со стороны климата, во 2-хъ) со стороны нападенія дикарей. Первая опасность имѣетъ, положимъ, силу лишь на первыхъ порахъ, вторая же грозитъ жителю Уальдыбба непрестанно. Нужна твердая рѣшимость, чтобы поступить въ Уальдыбба, хотя желающихъ есть много; опасность какъ будто манитъ ихъ къ себѣ своею таинственностью и исполняетъ гордости ихъ сознаніе. Каждый изъ нихъ, исповѣдавъ предъ духовникомъ свои грѣхи и получивъ прощеніе, лишь только окончится срокъ епитиміи, го-

товый умереть ради Христа, —идеть въ Уальдыбба. При входѣ въ уальдыббаскій лѣсъ, путника встрѣчаютъ „сторожа дороги“ (по абиссински: аккавѣ-ынгыдда) —монахи изъ Уаша и Дальшега. Ихъ обязанность—дни и ночи сидѣть у дороги при входѣ въ лѣсъ, чтобы встрѣчать и провожать путниковъ, идущихъ въ какой-нибудь изъ уальдыббаскихъ монастырей. Сторожа приводятъ гостя къ воротамъ монастырской ограды и здѣсь его окружаетъ привѣтствующая радушная толпа монаховъ, которые наперерывъ спѣшатъ услужиться предъ нимъ. Кто-нибудь чуть не насильно стаскиваетъ съ плечъ гостя суму съ хлѣбомъ и пожитками и исчезаетъ съ ней гдѣ-то въ группѣ хижинъ; въ одной келійкѣ все заготовлено для любезнаго приѣма; гостя усаживаютъ; одинъ поливаетъ ему ноги, другой третъ ихъ полотенцемъ; приносятъ вина подкрѣпится съ дороги; достаютъ у аббы-гаваса хлѣба и мяса .. Во всѣ послѣдующіе дни приплещъ можетъ жить въ монастырѣ, сколько угодно времени, какъ гость, питаться отъ общей трапезы, участвовать съ монахами въ общей молитвѣ, если желаетъ, но никто не станетъ испытывать его на счетъ его намѣреній, т. е. на счетъ того, угодно ли ему поступить въ монастырь или нѣтъ. Заявить желаніе свое онъ можетъ, когда угодно. Проживъ годъ или два, гость, если присмотрясь къ жизни монаховъ, найдетъ ее несовершенною и неудовлетворяющею идеалу, можетъ уйти, любезно распростившись съ радушными хозяевами. Если хочетъ остаться, то заявляетъ объ этомъ игумену. Первый вопросъ, какой задаетъ ему игумень, слѣдующій: „какъ ты желаешь намъ помогать,—по духовному или по тѣлесному?“ Неофитъ выбираетъ одно изъ двухъ и сообразно съ этимъ ему игумень опредѣляетъ послушаніе. Къ духовнымъ трудамъ относятся: непрерывное чтеніе псалтири, поклоны (отъ 2—10 и болѣе тысячъ въ сутки), постъ—сверхъ положеннаго, непрерывная молитва, пѣніе въ церкви, обученіе монаховъ грамотѣ и проч. Желаящаго служить „по тѣлесному“ заставляютъ исполнять какую-либо изъ слѣдующихъ работъ: 1) пасеніе стада, 2) уборка поля и хлѣба, 3) прислуживаніе въ трапезной, 4) кухарство, 5) шитье одеждъ, 6) собираніе дровъ, 7) ношеніе воды, 8) собираніе кореньевъ для хлѣба, 9) поправка и постройка жилищъ, 10) стояніе на стражѣ и т. п. Отличительная особенность уальдыббаскихъ монастырей, — что тамъ не любятъ уклоняться отъ пострига. Самая рѣшимость прійти и поселиться

въ смертоносномъ Уальдыбба выше всякой другой рѣшимости, въ томъ числѣ и рѣшимости на постригъ; отсюда новички, избравшіе мѣстомъ своей жизни какой-нибудь уальдыббаскій монастырь, сразу же спѣшатъ и постричься. Нареченнаго монаха стригутъ, закутываютъ въ пелены и, какъ мертвеца, кладутъ среди храма во гробъ. Около двухъ часовъ надъ нимъ прочитывается группою монаховъ псалтирь; игумень же, стоя у изголовья мнимаго мертвеца, шепчетъ ему на ухо монашескіе обѣты...

Уальдыббаскіе монастыри предпочтительно предъ всѣми прочими обитателями Абиссиніи славятся строгостію жизни своихъ монаховъ. Строгость эта выражается: въ пищѣ, одеждѣ и молитвѣ.

Въ день памяти св. апостоловъ Петра и Павла всѣ уальдыббасцы оставляютъ глубину лѣсовъ и выселяются на берегъ рѣки. Здѣсь они строятъ себѣ временныя палатки и живутъ такъ все лѣто до сентября—собственно до праздника четырехъ животныхъ, приходящагося въ сентябрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ Петрова дня часть монаховъ отрягается въ дальній захолустный лѣсъ — по ту сторону рѣки для собиранія кореньевъ, изъ которыхъ потомъ дѣлаютъ хлѣбы. Иногда самъ императоръ своими вооруженными силами приходитъ на помощь уальдыббаской монашеской экспедиціи, которой въ лѣсу грозитъ гибель отъ дикарей. Въ теченіе всего лѣтняго періода экспедиція искаживаетъ лѣсъ во всѣхъ направленіяхъ, чтобы собрать на зиму побольше кореньевъ, а оставшаяся на другомъ берегу прочая братія удваиваетъ свои молитвы за подверженныхъ опасности тружениковъ. Монахи держатъ все лѣто строгій постъ, ѣдятъ одинъ хлѣбъ (изъ кореньевъ) и то разъ въ день—по заходѣ солнца. Къ празднику четырехъ животныхъ экспедиція должна возвратиться обратно къ своимъ. Если къ этому дню она не возвратится, то всѣ такъ и знаютъ, что она погибла; вся братія облачается тогда въ трауръ, увеличиваетъ постъ и устраиваетъ непрерывныя поминовенія за павшихъ. Но при удачномъ исходѣ экспедиціи, праздникъ четырехъ животныхъ ознаменовывается пиромъ и весельемъ. Ликованіе монаховъ не знаетъ тогда границъ. Въ честь возвратившихся братьевъ празднованіе длится двѣ недѣли. Много истребляется тучныхъ овецъ и быковъ, выпивается много вина и меду.

Праздникъ четырехъ животныхъ тѣмъ привлекателенъ для уальдыббасцевъ, что наканунѣ его прекращается тяжкій лѣтній постъ; всѣ монахи оставляютъ знойный берегъ Такацы и перекочевываютъ вглубь лѣса, гдѣ ихъ ожидаютъ зимнія кельи. Въ теченіе зимы уже не бываетъ такого продолжительнаго и усиленнаго поста, какой былъ лѣтомъ. Въ дни постовъ—рождественскаго, великаго и петрова уальдыббасцы хотя и ѣдятъ тоже одинъ хлѣбъ, какъ и лѣтомъ, но уже приготовляемый изъ свѣжихъ кореньевъ, слѣдовательно, ароматный и вкусный.

Хлѣбъ изъ кореньевъ—особенность пищи уальдыббасцевъ. Коренья эти бѣлаго цвѣта, ароматны и имѣютъ сладкій маслянистый вкусъ. Сначала съ нихъ сдираютъ верхнюю плотную корку, моютъ въ теплой водѣ и выставляютъ на нѣсколько дней подъ солнце для просушки; когда коренья совсѣмъ высохнутъ и затвердѣютъ, ихъ толкутъ на муку, изъ которой пекутъ потомъ хлѣбы.

Какъ въ постъ, такъ и не въ постъ уальдыббасцы ѣдятъ разъ въ день. Разница та, что въ скоромные дни трапеза бываетъ въ полдень, а въ постные—вечеромъ, по заходѣ солнца. Въ скоромные дни монахи ѣдятъ мясо дичи, овецъ, быковъ и хлѣбъ изъ пшеницы или тефа, пьютъ пиво, медъ, вино и тѣэдъ. Напитокъ тѣэдъ (распространенный у абиссинцевъ) готовится обычно домашнимъ способомъ изъ меду. Медъ варятъ, примѣшивая къ нему нѣкоторые лѣсные плоды, ароматные цвѣтки и листья; всю эту смѣсь разливаютъ въ чаны, которые закапываютъ въ землю недѣли на двѣ; послѣ этого получается необыкновенно вкусный, сладкій, полухмѣльный, подбодряющій напитокъ.

Одеждой уальдыббасцу служить одинъ только монашескій хитонъ, изъ телячьей кожи, длиною ниже колѣнъ, съ рукавами, просторными у кистей рукъ (чего не бываетъ въ хитонахъ свѣтскихъ лицъ). Есть специалисты портные изъ монаховъ, умѣющіе красиво шить монашескіе хитоны. Особенно такими портными славится Уальдыбба. Тамъ хитоны окрашиваютъ въ золотистый цвѣтъ, получаемый отъ смѣси какихъ-то травъ; краска отличается такою прочностью и такъ похожа на цвѣтъ золота, что получается полная иллюзія: кажется, что монахъ надѣлъ рубаху, сшитую изъ тонкихъ листовъ золота. Нѣкоторые монахи опоясываютъ свои хитоны поясомъ—тоже изъ телячьей позолоченной кожи; сандалій никто не носитъ;

на головѣ у иныхъ красуется „ковъ“—шапка, сплетенная изъ эластичныхъ древесныхъ прутиковъ. Всѣ въ путь берутъ съ собой посохи.

Монахи, избравшіе своимъ послушаніемъ „духовные труды“, держатъ слѣдующее молитвенное правило. Отъ полуночи и до восхода солнца они выстаиваютъ нагѣ, вычитывая псалтирь, удассе Марьямъ, мелькаа Марьямъ, мелькаа Исусъ и проч. Каждый „духовный дѣлатель“ молится отдѣльно отъ прочихъ въ своей кельѣ, или чаще всего на открытомъ воздухѣ подѣ деревомъ, если благопріятствуетъ погода. Послѣ восхода солнца молящіеся надѣваютъ хитоны и молятся въ нихъ до полудня; въ этотъ часъ полагается отдыхъ, а въ скоромные дни—трапеза; потомъ молятся до захода солнца, когда опять немного отдыхаютъ, причемъ, если день постный, вкушаютъ только теперѣ пищу, и помолвившись еще мало, отходятъ ко сну.

Всѣхъ монаховъ живущихъ въ Уальдыбба около трехъ тысячъ.

Заслуживаетъ, наконецъ, вниманія монастырь аббы Саламы. Это небольшая обитель въ память святителя Фрументія, просвѣтителя Эѳіопіи, котораго эѳіопское имя было—Салама (радость). Въ богатомъ храмѣ обители покоятся открытыми мощи св. Фрументія, привлекающія къ себѣ толпы поклонниковъ. Обитель Саламы стоитъ одиноко на крутой скалѣ; на вершину ея взбираются, какъ и на дебре Дамо, посредствомъ веревки. Одну половину скалы занимаетъ монастырь, а другую—военная крѣпость, въ которой хранится царское имущество, казна, запасы ружей, пороху и т. п. Тутъ же содержатся въ золотыхъ оковахъ важнѣйшіе государственные преступники изъ Царскаго рода,—обыкновенно рецидивисты. Провинившагося въ первый разъ ссылаютъ въ Дебре-Дамо, а потомъ, если случится новое преступленіе, заключаютъ на амба (скала) Салама. Здѣсь содержался въ оковахъ императоръ Ате Текла Георгисъ, низверженный съ престола Іоанномъ, царствовавшимъ въ Эѳіопіи до 1889 года.

Перечисленные нами монастыри—первые и главные во всей Эѳіопіи. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще: 1) дебре-Бизанъ (въ провинціи Хамасѣенъ) и 2) дебре-Какамо (въ провинціи Тамбенъ). Всѣ они пользуются автокефальностью, т. е. полною независимостью отъ центральной духовной власти, служатъ главными разсадниками духовнаго просвѣщенія въ странѣ

и вмѣстѣ убѣжищами для тяжкихъ преступниковъ, преслѣдуемыхъ закономъ, обладаютъ большими богатствами и проч. Въ частности—монастыри: 1) дебре Дамо, 2) дебре Либанось, 3) Кдуса Лалибелы, 4) Авуны Гавре Манфысь Кдуса и 5) Ціонъ—составляютъ для Абиссиніи тоже самое, что для насъ—наши лавры: Кіево-Печерская, Троице-Сергіевская, Александро-Невская и Почаевская. Для полной аналогіи замѣтимъ еще, что для абиссинцевъ болѣе всего дорогъ Ливанскій монастырь, какъ для насъ Сергіевская лавра. Авуна Текле Хайманотъ, основатель Ливанскаго монастыря, оставившій абиссинцамъ свои св. мощи, то же для Эіюпіи, что преп. Сергій для всей Россіи. Въ одномъ старинномъ эіюпскомъ кодексѣ евангелія, въ послѣсловіи къ евангелію Маттея говорится между прочимъ: „всѣ мы сыны отца нашего Текле-Хайманота Дебре-Либаносскаго“ 1).

Обитатели Абиссиніи имѣютъ самую тѣсную и живую связь съ народомъ. По мнѣнію народа, все лучшее, высшее и святое хранится въ стѣнахъ обители. Оттого къ ней народъ обращается во всѣхъ случаяхъ жизни. Въ случаѣ нужды или бѣдности, абиссинецъ знаетъ, куда ему идти,—въ гедамъ или дебръ; тамъ его накормятъ, олѣнутъ, и дадутъ еще хлѣба на дальнѣйшее пропитаніе. Туда же идутъ разрѣшать религіозныя сомнѣнія, просить совѣтовъ, ходатайствъ и проч. Чего не можетъ сдѣлать приходскій священникъ,—напр.,—разрѣшить отъ безразсудной клятвы, облегчить епитимію въ случаѣ тяжелой болѣзни, это можетъ сдѣлать обитель (т. е. вся братія ея). Къ молитвамъ братіи обращаются всякаго рода больные, паралитики, бѣсноватые. За исцѣленіемъ бѣсноватаго обращаются обыкновенно къ монастырю, особенно прославившемуся святостью жизни своей братіи. Въ изгнаніи бѣсовъ принимаетъ участіе вся братія монастыря въ полномъ составѣ. Это происходитъ такъ. Связаннаго веревками больного кладутъ у ногъ настоятеля, окруженнаго монахами. Діаконы тутъ же назначаютъ каждому псаломъ или молитву, которые тотъ обязанъ прочесть. Обыкновенно читаются—псалтирь, уддасе Марьямъ, мелькаа Марьямъ, мелькаа Іисусъ и проч. Читаютъ всѣ разомъ,—причемъ такъ, что если одинъ читаетъ, напр.

---

1) Jobi Ludolfi, „Historia Aethiopica“, lib III. cap. 3 § 28.

1-й псаломъ, другой въ это время произноситъ 2-й, третій вычитываетъ третій псаломъ и т. д. Благодаря такому распределенію, псалтирь прочитывается скоро, въ особенности если много чтецовъ. Послѣ обычныхъ молитвъ слѣдуютъ заклинанія, повторяемыя всѣми молящимися — Такъ бываетъ каждый день въ теченіе около мѣсяца. Наконецъ, въ указанный игуменомъ день совершается надъ бѣсноватымъ таинство крещенія. Къ этому времени большая толпа любопытныхъ собирается въ оградѣ близъ храма. Послѣ прочтенія обычныхъ крещальныхъ молитвъ и освященія воды предъ западными дверьми храма, монахи уводятъ бѣсноватаго въ укромное мѣсто церковнаго сада, гдѣ никто не ходитъ и гдѣ обыкновенно совершается важнѣйшая часть таинства крещенія. Тамъ больного раздѣваютъ до нага и ставятъ колѣнопреклоненнымъ на землѣ; въ это время игумень, взявъ крестъ, прикладываетъ его къ головѣ крещаемого, а правой рукой принимаетъ отъ діакона 1-й водоносъ крещальной воды и выливаетъ изъ него всю воду на больного поверхъ креста, произнося: „крещаю тебя во имя Отца“; потомъ беретъ второй водоносъ и, выливая изъ него на больного, говоритъ: „во имя Сына“; наконецъ, выливаетъ третій водоносъ воды со словами: „во имя Духа Святаго. Аминь“. Толпа народа, оставшаяся вдали отъ того мѣста, гдѣ совершается таинство, наблюдаетъ за тѣмъ, что происходитъ съ бѣсноватымъ. Въ моментъ крещенія онъ приходитъ въ неистовство, рветъ веревки и кричитъ, что есть мочи: „выхожу, выходжу изъ него и не войду другой разъ въ него“. Иногда больной разрываетъ веревки и убѣгаетъ нагой къ вящему ужасу зрителей. Удостоившіеся крещенія бѣсноватые обыкновенно скоро выздоравливаютъ. Чтеніе надъ ними молитвъ продолжается до полного и совершеннаго излѣченія.

Важнѣйшія обители Абиссиніи играютъ важную роль даже въ политической жизни этой страны. Въ исторіи Абиссиніи бывали нерѣдко случаи, когда богатѣйшіе эіопскіе монастыри своими богатствами помогали императорамъ въ критическіе моменты и тѣмъ спасали страну отъ гибели. Случается и теперь, что въ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ владыки Эіопіи обращаются за помощью къ монастырямъ.

Въ заключеніе своей рѣчи о монастыряхъ Абиссиніи мы желали бы привести хотя приблизительныя статистическія данныя о количествѣ, напимѣръ, монастырей въ Абиссиніи,

о численности монаховъ, о процентномъ отношеніи ихъ ко всему населенію Абиссиніи и т. п. Къ сожалѣнію, такихъ данныхъ найти совершенно невозможно. Сами абиссинцы не знаютъ себѣ числа. Императоръ не знаетъ даже, сколько у него солдатъ... Еще не бывало случая, что бы кто либо изъ правителей Абиссиніи предпринималъ исчисленіе народа или части его, исчисленіе церквей и монастырей, воиновъ, городовъ и проч.—Это потому, что перепись въ глазахъ абиссинцевъ преступленіе. Основаніе для такого взгляда абиссинскіе христіане заимствуютъ изъ Св. Писанія и именно изъ сказанія о переписи Давида. Извѣстно, что когда Давидъ повелѣлъ военачальнику Іоваву исчислить еврейскій народъ, то Богъ разгнѣвался за это и наслалъ на Евреевъ язву, истребившую 70,000 человекъ (II Царствъ, 24 гл. и I Паралип. 21 гл.).

---









Поступило въ продажу полное сочиненіе того же автора:

## СТРАНА ЭѢЮПОВЪ.

(АБИССИНІЯ).

Исторія происхожденія абиссинскихъ племенъ и возникновенія ихъ государства, политическая и церковная исторія ЭѢюпии, подробное описаніе гражданскаго и церковнаго устройства ея, просвѣщенія, богослуженія, общественнаго строя, правовъ и обычаевъ абиссинскаго народа.

Съ портретомъ Абиссинскаго Императора, рисунками, нотами церковныхъ и народныхъ пѣсень, азбукой, словаремъ и картой Абиссиніи.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Можно и наложеннымъ платежемъ.

Цѣна 2 р., въ переплетъ съ золотымъ тисненіемъ 2 р. 50 коп.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 24, кв. 10, у Ѳ. А. Королева.